

ГЕОРГИЙ ГЕРЦОВСКИЙ
**ВЛАДЕЙ
МИРОМ!**

Георгий Герцовский Владей миром!

Серия «Наши там (Центрполиграф)»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48608332

Владей миром!: роман. / Герцовский Г.А.: Центрполиграф; Москва; 2020

ISBN 978-5-227-08957-1

Аннотация

Новый мир, новые правила, новые опасности. Со всем этим предстоит столкнуться главному герою, обычному парню, второкурснику факультета журналистики. Хватит ли духу у фантазера и шутника противостоять фантастическим монстрам и нешуточной магии? А завоевать сердце красавицы? Или даже двух? Сможет ли он возглавить армию волшебных существ, чтобы свергнуть того, кто ужаснее самих монстров? Или случится что-то другое, например, главный герой откроет еще один мир? Новый мир внутри самого себя?

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	19
Глава 3	34
Глава 4	44
Глава 5	59
Глава 6	77
Глава 7	91
Конец ознакомительного фрагмента.	105

Георгий Герцовский Владей миром!

Серия «Наши там» выпускается с 2010 года

Оформление художника Павла Ильина

Глава 1

Попаданец

Я стою на скале. Подо мной пропасть. Вокруг ярко и красиво – скалы покрыты синим и зеленым плющом, ломаная линия гор по ту сторону пропасти, внизу голубая полоска быстрой реки. Небо сиреневое. Как я попал сюда – непонятно.

То, что я не сплю, было ясно. Воздух чересчур порывист и свеж, звуки, виды – все какое-то не из снов. Нет, я, конечно, поднял какой-то камень, поцарапал руку как следует – пока заорать не захотелось, – но и без боли ясно: бодрствую.

Все, что помнил, – чапал домой с пакетом продуктов, зашел в лифт. Дальше – будто память стерли. Что за чудо-лифт такой, забросивший меня в такие места? И как бы вернуться? Но, чур, не сразу, сначала оглядеться захотелось.

Но и долго возиться нельзя. У меня ведь с собой даже глюкометра нет – это приборчик, вечный спутник диабетика. А если бы он глюки мерил, а не глюкозу, он бы сейчас еще более пригодился. Ведь иначе, чем галлюцинациями, то, что вижу вокруг, я объяснить не могу.

Сзади за скалой – узкая тропка. Я находился так высоко, что казалось, до густых голубых облаков можно рукой достать.

Зовут меня Владимиром, но все кличут Волькой. Был такой мальчишка в сказке про старика Хоттабыча. Мои предки очень, видите ли, эту сказку любят. Мама даже назвать так хотела. К счастью, папа ей подсказал, что Волька – тот же Володька, Владимир, стало быть. Честно признаюсь, не люблю, когда меня Волькой кличут, – какое-то дурацкое прозвище. А уж те, кто узнает, что моего отца Алексеем зовут, те и вовсе ликуют – Волька ибн Алеша пошел, глядите! Надоело!

Мне девятнадцать. Учусь на втором курсе универа – журналистом планирую стать. Хотелось бы работать на радио, а там – как получится.

В общем, я обычный парень. Даже хобби есть – фантастика. Очень ее люблю и уважаю. Книги, фильмы – все проглатываю, как голодный крокодил. Причем предпочитаю книги. Сам писать пробовал – пока не очень получается, честно скажу.

У меня диабет. Да нет, ничего особенного, я привык.

А вот к тому, что сейчас вокруг меня, привыкнуть непросто. Да, красиво, но и зловеще как-то. Может, потому, что красок слишком много? Обычный земной пейзаж – побледнее. А тут все как на картинах импрессионистов. Их я тоже люблю. Они чаще реальность рисуют, а выглядит как фантастика.

Признаюсь, часто представляю себя героем какого-нибудь фильма или романа. Но неизвестного – известного скучно. Вот иду по дороге с пакетом продуктов, а представляю, что

это не пакет вовсе, а бесценная посылка королю, а в пакете том – не молока бутылка и хлеба батон, а башка драконья. Или даже лучше не драконья, а страшной зеленой черфелазды! Эта тварь такая, которая... ну, ужасная, это понятно. Которая очень королю досаждаёт. Чем бы? Нет, живность, которую чудища пожирают, и принцесса, которую крадут, – заезжено. Она – черфе-лазда эта – ужас на солдат королевских наводит, и армия со страху разбегается. Так ведь ни одной войны не выиграешь! А она, тварь эта, страхом питается. Но путника какого-нибудь напугать ей маловато будет. Ей целое войско подавай. И вот я, такой крутой и непобедимый, взял да и одолел ее. Как одолел, потом придумаю, сейчас надо королю доложить. Ну и не лифт, понятное дело, меня в высь седьмого этажа поднимает, а магия придворных волшебников в тронный зал. И вот, как раз когда я хотел вознестись к королевскому престолу, что-то случилось такое, отчего я здесь очутился. Будто и впрямь волшебники вмешались. Точно знаю, мой домашний лифт не имеет такой кнопки, чтобы на скале оказаться. Да и дом наш панельный не настолько крут, чтобы кто-то из богатеев сделал себе на крыше пентхаус в виде скалы над пропастью с сиреневым небом над головой. Что же случилось-то?

Есть не хотелось. Даже странно. Шел домой, думал, вот сейчас мне королевских харчей пожалуют – это я про вчерашний рыбный суп из консервов. Слюнки уже глотал, думал, как бы аудиенцию у короля свернуть поскорее, чтобы

к пиршеству приступить. А тут мало того, что меня занесло куда-то, так по дороге еще и голод украли.

На мне были любимые красные джинсы, футболка мутно-серого цвета и бело-голубые кроссовки – та самая одежда, в которой шел с работы домой. Еще одно подтверждение, что не спал. Да и не отношусь я к тем, кто во сне понимает, что спит. Я, когда сплю, тупо сплю! Никаких со мной осознаний лишних, что мешают сны смотреть, не происходит.

На скале не было холодно – прохладой от реки веяло, да и ветер чувствовался, но я не мерз. Со скалы уходить вглубь по тропинке я пока не решался. Надо сначала с мыслями справиться. А то мало ли... Природа здесь дикая. Кавказ, что ли? Или какие-нибудь Кордильеры? Ни там, ни там бывать не приходилось, но слышал, что зверье всякое, с которым голыми руками не справишься, там есть. Леопарды, например, на Кавказе. Можно, конечно, как у Лермонтова в «Мцыри»: «Ко мне он бросился на грудь, но в горло я успел воткнуть и там два раза повернуть мое орудье...» Но лучше не пробовать. Впрочем, думаю, не Кавказ это и не Кордильеры. Слишком все вокруг необычно. Небо сиреневое, облака блекло-синие. Закат здесь такой, что ли? Или мне линзы надели?

Вдруг я услышал грохот. Поднял голову и замер с открытым ртом – грохот, не стук, а именно грохот издавали четыре крыла драконоподобной твари почище моей черфелазды. Сама серого цвета. На морде – с каждой стороны огромной

пасти – глаз штук по семь. Усы у твари длинные и на хлысты похожи. На спине чудища полуобнаженная девушка, которая эти хлысты как удила использует. Я со страху хотел было со скалы прыгнуть, но поскользнулся и шлепнулся там, где стоял, а монстр сразу когтистой лапой мне на ногу встал. Я и дернуться не смог.

Девушка со спины чудища прыгнула, ко мне подошла. Из одежды на ней – кольца какой-то серебристой проволоки вокруг бедер. Под кольцами и на груди – ткань тюлевой занавески тоньше. Волосы светлые, длинные, бровь с изломом – красавица, короче. В руках у нее копьё недетское, за спиной длинный меч с рукоятью колоритной торчит. Подошла ко мне, слова не говорит, в глаза глянула бегло, а потом будто принюхиваться стала. Я же как раз к диалогу ее спровоцировать хотел.

– Девушка, – спросил, – вы местная? Не подскажете, как тут до трамвая ближайшего?... – Ну, и другие подобные глупости. Сам с опаской то на копьё поглядывал, то на зубы чудища. Все это лежа, ибо придавлен.

То ли запах мой не понравился наезднице, то ли, наоборот, аппетит ее пробудил, но красавица копьё перехватила и надо мной вскинула. Я даже понять ничего не успел, кроме главного – кранты мне!

Вдруг слышу невразумительный окрик. Девушка с недовольной миной руку расслабила и копьё опустила. Посмотрела чуть в сторону от меня. Я скосил глаза, вижу – чудик

какой-то. В жизни таких не встречал. Чудик этот злобной красавице быстро протараторил что-то на непонятном языке. То есть мне непонятном – не ей. Она недовольно фыркнула, опять копые перехватила и к летуну своему повернулась, бросив коротко, но резко: «Храбжа». Через мгновение под грохот четырех крыл дева взмыла в сиреневые небеса. Черт-те что.

Я встал, отряхнулся, на улетающее чудище глядя. А тварь, надо сказать, знатная. Размером с микроавтобус «газель». Одна пара крыльев больше, чем другая.

Пока я рассматривал улетающий ужас, а может, и смерть свою удаляющуюся, чудик низкорослый меня за штанину дернул.

– Не бойся, – буркнул он.

По-русски сказал, как ни странно. Хотя, когда он говорил с валькирией, я ни слова не разобрал. Теперь я смог рассмотреть этого гнома получше. Росточком меньше метра, уши острые, рот широкий, как у Буратино, глаза немного навывкате, брови в строгую линию. Волос на голове минимум – и те белесые, еле заметные. Одет в затертую курточку, такие же шаровары и коричневые замшевые полусапожки. Смесь лепрекона с Маленьким Муком.

– Ты по-русски умеешь? – задал я «умный» вопрос.

– Общий язык Утронии – понятный для всех. Есть еще язык Древних. Мы сейчас на нем говорили с Шайной, – ответил тот.

– Почему ты спас меня?

– Сам не пойму, – пожал он плечами. – Случайно рядом оказался.

– Спасибо. – Я тоже пожал плечами. – Теперь я перед тобой на всю жизнь в долгу, так, что ли?

– Что? – недовольно посмотрел на меня карлик. – Глупости говоришь.

– Это со мной случается, – согласился я.

– Кто ты и откуда взялся? – спросил он пытливо.

– Я? Волькой меня зовут. Не Валькой, слышишь, а Волькой! А то начнешь мне сейчас про праздник святого Валентина рассказывать...

Каждый второй норовит мне про него напомнить. Так достало, что хочется за подобные откровения кому-нибудь валентинок навалить. Вот я и решил заранее упреждать.

– Про праздник не слышал, – буркнул карлик. – Нам тут, знаешь ли, не до праздников.

Я посмотрел удивленно, но ответил и на вторую часть вопроса:

– А откуда я здесь взялся и сам не пойму. Словно с неба свалился.

– Так и есть, – со вздохом сказал недорослик. Казалось, он совсем не удивился. – Куда двинешься?

– Сам бы хотел это знать... По логике вещей, сейчас было бы правильно изучить свое местоположение, определить координаты локации, а уже потом...

– Стой! – скомандовал карлик. – Давай условимся: говорим на общем языке. А заклинания, такие как «координаты» и «местоположение», оставь до нужного случая.

«Из какой он деревни? – подумал я. – Простых слов не знает...»

– Так куда ты намерен двинуться? – повторил вопрос карлик. – Могу с тобой пойти. Возьмешь в провожатые?

– В провожатые?! Послушай... хм... парень, я не знаю, как здесь оказался, что меня ждет и как мне вернуться домой, чего, признаюсь, хочу пресильно. А пять минут назад хотелось особенно остро. Поэтому как я тебя возьму в провожатые, если не пойму, куда мне идти? Может, мне вообще лучше всего прямо здесь и остаться.

– Да что я напрашиваюсь! – возмутился карлик. – Не хочешь – не надо, сам топай, ищи, что хочешь. Думаю, недолго протянешь.

Я вспомнил валькирию и понял, что погорячился. А ушастый уже топал от меня по тропинке между скалами.

– Эй, как там тебя! Постой! Я согласен! – крикнул вдогонку, но тот и не думал останавливаться.

Пришлось догнать, извиниться. Впрочем, карлик дулся не долго.

– Ну хорошо, понимаю, зачем мне такой провожатый, как ты. Но я-то тебе на кой сдался?

– Ты же мне заплатишь, – ответил карлик.

– Прогadal. У меня нет ни копейки.

Это, кстати, была чистая правда – ни моя сумка с кошельком и телефоном, ни пакет с продуктами волшебным лифтом в непонятное «сюда» не перенеслись.

– Правильно, откуда бы у тебя взялись деньги? Золото воин заработать должен. А пока – какой ты воин? – Недорослик развел руки и пожал плечами. – Станешь воином – заработаешь, заплатишь.

– Ты, я смотрю, разбираешься тут во всем. Может, знаешь и как я попал сюда?

– Конечно, знаю, – согласился карлик.

Я сел на корточки, чтобы видеть глаза собеседника, и приготовился внимать каждому слову.

– Волшебным путем, – сообщил маленький мерзавец.

– Здорово! Вот теперь-то мне все ясно! Ну конечно, – фонтанировал я сарказмом. – Вот только неувязочка есть. У нас – в мире, где я живу, – нету волшебников. Разве что несколько экстрасенсов, да и те, скорее всего, мошенники. Но даже если ты прав, зачем я кому-то сдался? Кому надо было посылать меня за тридевять земель?! Я простой студент, не наследный принц, карту с сокровищами тоже не прячу.

– Этого я, братец, знать не могу, кому ты понадобился да зачем.

– Может, знаешь хотя бы, как мне домой вернуться?

– Не имею понятия, – равнодушно ответил остроухий и достал из котомки лепешку. Стал жевать. Потом, словно

вспомнив обо мне, вздохнул и разделил ее пополам. – Можно попробовать Пчелиную ведьму спросить. Она все знает.

– Да, не повезло ей с фамилией, – сказал я, усаживаясь рядом с ним и тоже принимаясь жевать.

– О чем ты?

– За что ее так прозвали-то?

– За то, что она часто является перед другими в виде пчелиного роя.

Я перестал жевать. Смотрел на карлика и, наверное, настолько глупо выглядел, что тот даже поморщился.

– Как, ты сказал, звать тебя, бедолага? – спросил он.

– Чой-то я бедолага? Волькой зови.

– Да худоват больно. Надо бы стать тебе купить. Когда деньги будут и мага подходящего встретим.

– Что мне купить? Стать?!

– Ну да, стать, – спокойно ответил недорослик и расставил руки, обозначая могучие плечи. При этом он упер подбородок в грудь и нахмурил брови. – Стать!

– Тело, что ли, другое? – улыбнулся я. Карлик, наверное, из местного дурдома сбежал. – Что же ты до сих пор не купил?

– Не новое тело, – карлик назидательно выставил указательный палец перед собой, – а свое улучшить. А мне-то за чем? Я не рыцарь, не воин, мне с бестиями драться не придется. Я могу только советчиком быть, по мелочи помогать.

– Оруженосец, короче, – сказал я.

– Не, – мотнул головой карлик, – оружие сам таскай.

– Значит так, – сказал я, – никакой стати покупать не буду.

Прошу любить и жаловать такого, какой есть.

– Как знаешь, – пожал плечами недорослик.

– Если маг настолько могуч, что может даже тело кому-то новое сотворить – хотя я в это не верю ни грамма, – сказал я с улыбкой, – почему же он сразу себе денег не наколдует?

– Далеко не каждый маг способен золото сотворить.

– Понятно, – махнул я рукой. – Ну, и как нам найти эту ведьму Пчелиную? Может, на пасеке пошукать?

– Ее не ищут, она сама появляется, когда ей вздумается. Но больше надежды встретиться с ней на клеверном поле, что на Заморских холмах.

– Ясно, – сказал я, хотя ясности было мало.

А теперь серьезно – где я оказался? Может, сплю все-таки? Я стал так таращиться на какую-то точку в небе, надеясь усилием воли раз-ж-жать-таки веки и проснуться, что карлик от меня отшатнулся.

– Ты чего? – спросил он настороженно.

– Ничего, – продолжал я пялиться в небо. Наверное, в тот момент я походил на детсадовца, сидящего на горшке.

Ноль эффекта. Ладно, не сплю. Тогда где я и как сюда попал, черт возьми?! Что за ужасы летают на крыльях ночи – на четырех причем крыльях?! Почему здесь небо сиреневое? Что за идиот-недомерок учит меня жизни и рассказывает про покупку обновленного тела? Наркота, что ли? Ну

точно, что же еще?! Никогда не баловался этой гадостью, но судя по тому, что читал и слышал, – вполне может быть. Кто-то из друзей пошутил, что ли? Подбежал сзади и шприцем ткнул? Нет у меня таких «друзей». А если недруги, то зачем им продукт на меня переводить? Да и, насколько я знаю, шприцем-то надо не в мышцу, а в вену попасть. Такого я бы не смог не заметить!

Наверное, умер все-таки. Вот оно, оказывается, каково – на том свете. Ни в жисть бы не подумал. Хотя... Не то чтобы я был глубоко верующим человеком и считал, что меня должны либо ангелы, либо демоны встретить и проводить, куда следует, но как-то все неправильно выглядело здесь для посмертия. Нет, не верю, что умер. Бывает же – пропадают люди в Бермудском треугольнике, а потом появляются лет через пятьдесят – вот и со мной, наверное, что-то подобное произошло. В другой мир забросило. А после смерти разве мог бы я себя до крови камнем расцарапать? Вряд ли.

С одной стороны – мне нравилось в мире под сиреневым небом. Да что там нравилось – я был в восторге! Вот она, моя любимая фантастика вместе с фэнтези, – ешь не хочу! Я до сих пор даже на Эльбрус не решился взобраться, хотя давно мечтал. И я был бы не первым с диагнозом диабет, кто решился на восхождение. Но тут-то почище Эльбруса будет!

Итак, с одной стороны, было жуть как интересно. С другой – просто жуть. Твари многоглазые, девушки, что резать хотят, да и вообще так все вокруг дышит цивилизацией и за-

щитой прав человека, что просто ужас. Кроме того, у меня с собой ни денег, ни трупов запасных, которые тут, кстати сказать, очень быстро понадобятся. Ни карты пластиковой, ни котлеты в запарке, ни фляжки для воды, ни ножа.

Но ведь интересно-то как!

Ладно, потом разберемся. Сейчас есть серьезнее вопрос – как мне быть без ручки-шприца и глюкометра? Они в сумке остались. Даже стикеров с собой нет, чтобы уровень сахара проверить. Вот потеряю сознание и ка-ак хряснусь со скалы! Я посмотрел вниз, на далекую змейку реки. Но пока ничего вроде. Эх, вот было бы здорово, если здесь, где туловища себе новые покупают, можно было бы и диабет продать. Я недорого возьму. Да что? Приплачу даже!

Оставалась еще одна проблема. Мама с отцом знать не знают, где я. Да, я мальчик большой – день, неделю не хватятся. Но в конце концов позвонят. И два, и три раза.

В институт. Другьям. В больницу. В морг. И нигде их моим наличием не обрадуют или не огорчат. А сестренка Алиска и вовсе с ума сойдет. Мы с ней в парк хотели сходить послезавтра: карусели, мороженое, все такое – до сих пор карусели обожаю, – а любимый братик раз – и исчез...

– Ну что, оруженосец, – сказал я, – пойдем твою Пчелиную ведьму искать?

– Рано тебе, – покачал головой тот. – Путь непрост, ты к нему не готов.

– Экий ты сурьезный, – покачал я головой. – Как тебя зо-

вут, кстати?

– Кинсли, – сказал карлик. – Я – гортванец.

– Это национальность или профессия? – спросил я.

– Наш народ так называется – гортванцы! Если что-то хочешь найти или узнать о ком-нибудь что-то, то гортванца скорее спроси, он разыщет тебе даже...

– Шпроты! – ляпнул я.

– Какие шпроты?! – возмутился Кинсли. – Он разыщет даже день вчерашний!

– Жаль. Шпроты были бы в рифму. А как называется ваш мир? – спросил я.

– Утрония.

Кинсли повел меня извилистыми тропами вдоль скал, и в конце концов мы спустились в низину. Какое-то время шли вдоль берега – он высоко нависал над рекой, так что я старался держаться от края подальше.

Глава 2

Зайга и камнепад

Спустя некоторое время мы подошли к огромному черному срубу, который выполнял роль местного питейного заведения. Внутри стояли бочки-столы и лавки вокруг них. Снаружи «на террасе» – скамейки и столы. Чаще всего лавки-скамейки представляли собой два пня и перекладину между ними. Иногда пни заменялись валунами. Столы же были целиком каменные – четыре истукана и на них плита неподъемная.

Внутри сруба суестились несколько существ – не всех язык повернется назвать людьми. Один – с черной кудрявой шевелюрой, бородой и огромным крючковатым носом – был ростом мне по плечо. Но главное, что у него во лбу был третий глаз – и не в религиозно-восточном понимании, а в самом прямом. Трехглазый отдавал распоряжения, мелькал то здесь, то там, порой гневно тряс бородой – в общем, командовал.

Две кокетливые девушки в белых передниках и красных шапочках – за что я их мысленно и прозвал в честь главной героини сказки Шарля Перро – сразу состроили мне глазки. Рядом с бочками и сам на бочку похожий – низкорослый четырехрукий мужичок. Шкура у него была темная, по всему

телу – бородавки, приплюснутая голова и длинные уши. Последние напоминали ослиные, но торчали не вверх, а в стороны.

Пятый работник забегаловки, который все время с бочками возился – отодвигал пустые, подвигал и дырявил полные, – походил на тролля. Во всяком случае, что-то подобное я и представлял, когда читал про сказочных троллей. Он был раза в полтора выше меня, а весил, наверное, как трое таких, как я. Малозубая пасть от уха до уха, кожа миндального цвета, нос как огромный картофан. Зато глаз и рук всего по паре. На нем был измызганный кожаный передник, делавший гиганта похожим на заправского мясника.

У столов на улице сидело с полдюжины разных существ, и гости прибывали. Судя по красным всполохам на фиолетовом небе и общему затемнению, наступал вечер, и народ стягивался опрокинуть кружку-другую в хорошей компании.

На меня, кроме красных шапочек, внимания никто не обратил. Наверное, тут видали прикид и покруче, чем мои красные джинсы. Были тут и занятней меня персонажи. Взять хотя бы двуглавого лесоруба, который сразу двумя башками из одной кружки пить умудрялся. Может, конечно, не лесоруб, а палач, например, но его топор, прислоненный к лавке, на боевой не походил. Как не походила на доспехи шкура на плечах. Вот такие они в Утронии – мясники с лесорубами.

Сели с Кинсли, заказали красной шапочке по кружке на-

питка.

– Пиво? – спросил я оруженосца.

– Пи... что? – переспросил он.

– Или эль?

– Ты обзываешься, что ли? – нахмурил брови Кинсли.

– Черт! Напиток как называется, который мы пить будем?

– Зайга... Из сливы заречной делаем... – удивленно посмотрел на меня Кинсли.

– Все чудесатее и чудесатее, – вздохнул я. – Давайте вашего зайку, пить охота.

Что сказать? Не брага, не пиво, но пить можно – чуток горчит, чуток сластит, чуток хмелит. Зато хорошо жажду утоляет. После двух кружек – за них Кинсли заплатил, грустно в глаза мне глядя, – стало повеселее.

– Ну что, дальше двинемся? – сказал я.

– Куда? – хмуро спросил Кинсли. – Тебе что, денег не надо раздобыть? Так и будешь в моем кошельке пасться?

– Так, – посерьезнел я, провожая взглядом одну из шапочек, – во-первых, деньги верну. Ты сказал – угощаешь, так что не начинай. А во-вторых, что-то не пойму, где мы здесь денег раздобудем? Хочешь, чтобы я вместо того мясника бочки перетаскивал? Вряд ли ему это нужно. А грабежом заниматься не стану – я по другому профилю.

– Дурак ты по профилю, – сказал Кинсли, но, встретив мой сердитый взгляд, на всякий случай подальше от стола отодвинулся. – Сюда не за этим ходят. Дайна! – позвал он

одну из красных шапочек, и та, словно ждала, сразу перед столом возникла.

Пока Кинсли с ней говорил, она к нему только разик повернулась, все остальное время мне улыбалась.

– Дайна, есть кто? – спросил Кинсли.

– Ты о чем, Кинсли? – все так же на меня глядя, спросила девушка.

Тот заерзал на стуле – не ожидал, что Дайна не поймет с полуслова.

– Ну, эти... – пробормотал Кинсли, выразительно глядя в плечо красной шапочке, – кому помощь нужна...

Она наконец одарила его кратким взглядом и опять на меня воззрилась – теперь восторженно.

– Ах, вот ты о чем?! Нет, Кинсли, никого нету. А как он будет, – спросила девушка, тыча в меня пальчиком, – без этих всяких мечей, арбалетов, трусов железных? – Она расхохоталась. Вокруг вдруг затихли пересуды, и я почувствовал на себе взгляды посетителей.

– Купим! – вдруг громко и сурово сказал Кинсли. – Лучше зайги еще принеси. – Он даже по столу пристукнул.

– Поняла, не дура! – Продолжая улыбаться, Дайна подхватила пустые кружки и исчезла в недрах сруба. Оттуда скоро вновь донесся девичий хохот.

Мы с Кинсли сидели и хмуро смотрели друг на друга. Не знаю, куда меня пытался затащить мой новый знакомый, но его затея явно провалилась.

Кружки нам вынесла другая шапочка – чуть ниже ростом и с волосами посветлей.

– Ребята, если вы вправду ищете, как подзаработать, так я вам скажу. – Девушка говорила серьезно. – Только, наверное, задание не простое. Клохм уже третий день сюда ходит, не может найти помощников.

– Почему не может, Райма? – Кинсли окинул взглядом гостей заведения и повернулся к девушке. – Только я Клохма что-то не вижу... Он внутри, что ли?

– Да нет, – ответила Райма. – Он здесь до утра сидел, а сейчас, наверное, спать ушел. Наверняка через часик-другой снова явится.

– Что за беда-то у него? – подал я голос.

– Грахман, – доверительным шепотом сообщила Райма, – что-то украл у Клохма. – Она оглянулась, будто боялась услышанной быть. – Ну, остальное у него узнаете... – сказала она громче и спешно ушла.

– Ха, – Кинсли заплел на груди руки и смотрел на меня с видом ценителя тонкой шутки, – грахман! Понятно, почему никто Клохму помогать не хочет. Будем другого заказывать. Тебе бы пока по мелочи: шиврота одолеть, может, сбежавшего рипреля хозяину вернуть. Вот такое что-то... А с грахманом мало кто во всей Утронии связываться станет. Разве что Немо, Литтия, Рахли... – Кинсли рассуждал, с умным видом глядя перед собой. Так, наверное, знаток Шекспира перечисляет названия его пьес.

– Кто это – грахман? – спросил я.

– Помнишь грухса? – вопросом на вопрос ответил Кинсли.

– Конечно! – съязвил я. – Как не помнить! Как сейчас!

– Это тот серый со множеством глаз, хозяйка которого тебя проткнула бы, если б я не вмешался, – высокомерно глядя на меня, заявил Кинсли.

– Помню, – отвел я взгляд.

– Вот грахман лишь чуть поменьше. Воруется все, что блещит, и уносит в гнездо. Но мало кто в живых остался после того, как попытался что-то из гнезда вытащить. Точнее, ни одного не припомню.

– А если его обхитрить как-нибудь? – спросил я.

– Хм... Для этого мозги надо иметь, силу и смелость, – хмуро заявил Кинсли, ясно давая понять, что это не мой случай.

Во мне, как говорится, выиграло ретивое. Вообще-то я не из робкого десятка. Несмотря на диабет, спортом занимаюсь с детства – в рамках дозволенного, конечно. Коричневый пояс по карате. Тренер всегда настаивал, чтобы мы говорили «карате-до». Что «путь пустого кулака», то есть карате-до, такой же путь, как айкидо, дзюдо и прочие. Но я так и не привык.

Правда, я уже несколько лет, как забросил занятия, но перезабыл еще, к счастью, не все. И, увы, меня до сих пор легко взять на слабо. Что и подтвердилось...

– Он от бабки моей мне достался, кристалл этот, – почти плакал Клохм. Двумя головами и нарядом он был похож на того лесоруба со шкурой на плечах, но подсохшего с возрастом. – Я в тот день в своей хижине уборку делал, решил и кристалл протереть. Подошел к ручью, вижу, на скале грахман сидит, с меня глаз не сводит. Я сра-а-азу понял, что ему надо! – Клохм плакал уже не почти. – Пока назад к хижине бежал, гад подлетел, дорогу мне преградил. Башку свою гадскую то в одну, то в другую сторону склонит – ждет, значит. А что я? – хлюпал Клохм. – Самоубивец, что ли? Отдал... Он его, сволочь, бережно взял, будто лакомство. Взмахнул крыльями и был таков! Хэ... хэ... хэ... – хныкал Клохм.

– Этот противоправный поступок уже не выглядит как обычное воровство. В данном случае его можно классифицировать как грабеж, – сказал я и обвел умным взглядом собеседников.

– Чего? – хором спросили Клохм с Кинсли.

Что тут поделатъ – включается у меня иногда. Все-таки на журналиста учусь. Вот и стараюсь так выражаться.

– Грабеж, говорю, да и только, – проямлил я.

– А где герой? – Клохм уставился на Кинсли, перестав хныкать.

– Вот он, – кивнул в мою сторону тот, но сам глаза отвел.

– Он?! Герой?! – поразился Клохм, рассматривая меня. – А как же?.. А где же?.. Эх, что я с вами время-то тратил! –

сам на себя разозлился двуглавый. – Где ему?! Даже десяток таких, как он, грахмана не одолеют!

Тут я вообще рассердился. Чего это они меня ни во что не ставят! Драться умею, умом тоже Бог не обидел. Доспехами-мечами не обзавелся? Росточком не вышел? Я вам, уроды двуглавые и карлики длинноухие, покажу, что не меч и не рост в жизни главное!

Я поймал за руку Клохма и произнес, с нажимом так, су-рово почти:

– Ты на внешность-то мою не смотри.

– Эх, да брось ты. – Тот высвободил руку. Он был явно расстроен.

– Спорить не буду, просто скажи, сколько заплатишь, если я тебе твой кристалл разлюбезный назад принесу на блю-дечке?

– На каком блюдечке? – На меня воззрились обе бошки.

– С голубой каемочкой! – заверил я.

– Нисколько. За каемку. Она мне на кой? А за кристалл – три золотых!

– Ну, ты уж наглеешь, – подскочил к нам Кинсли, и от возбуждения скудные белесые волоски на его голове дыбом встали. – Такая работа не меньше семи золотых стоит!

– Да я тебе хоть тридцать пообещаю, – брезгливо поморщился Клохм, а его вторая голова уже смотрела в сторону. – Толку-то? Все равно не справитесь. Задатка на доспехи и оружие не дам, сразу говорю!

– Дашь семь монет? – спросил я.

– Тьфу! – Он плюнул себе под ноги. – Да что с вами говорить-то? Если найдете каких-нибудь готов, которые сделают это за вас – пять золотых заплачу. На большее не надейтесь.

И ушел.

– У вас тоже готы есть? – спросил я Кинсли.

– Ну да, – отвечает тот.

– Как выглядят? Тоже в черное одеваются, белый грим и синяки под глазами?

– Чего? – не понял Кинсли. – У нас так покойники выглядят, как ты описал. Помнишь здоровяка, что бочки перекачивал? Вот он – гот.

Я вспомнил тролля.

– Что делать-то думаешь? – с сомнением глядя на меня, спросил карлик. – Ты его так за руку схватил – я думал, у тебя мысль появилась.

– Появилась! – категорично ответил я. – А нет, так появится. Что-нибудь придумаем, не сомневайся. В крайнем случае в Интернете посмотрю: «Как одолеть грахмана». Шутка! Все равно справимся!

Вот бывает у меня такое настроение, когда мне, как пьяному, море по колено и горы по плечо. Иногда помогает в жизни. Кровь бурлит, адреналин или тестостерон – я не специалист в этих жидкостях – по венам бежит. Когда во время соревнований меня такой раж охватывал, я всегда до финального боя доходил. Плохо только, что этого не хватает на-

долго – то ли тестостерон выдыхался, то ли адреналин впитывался, то ли кровь остывала. Так что в финальных боях я уже не выигрывал, а дипломов за второе место у меня целых четыре висит. Надеюсь, грахмана одолею в полуфинале.

– Где он живет, грахман твой?

– В скалах они гнезда выют, – ответил Кинсли.

– Ну так и пошли – на месте разберемся, что да как. Они что, как сороки, все блестящее к себе в гнезда стаскивают?

– Угу, – кивнул Кинсли. – Волшебные или просто красивые вещи, иногда даже девушек, если они в платьях красивых.

– Вот блинство! И что, не нашелся рыцарь, который бы такому гаду морду начистил?

– Почему? – вздохнул Кинсли. – Дураков много. Находишься. – Он опять посмотрел на меня со значением.

Мы шли вдоль скал. Внизу бурлила река. Темное небо слегка освещалось светом трех лун. Одна – та, что у нас за спиной осталась, бордовая, небольшая. Зловещая. Я ее Марсом назвал. Другая – голубая и огромная – нависала слева. Ей я присвоил имя Юпитер. Еще одна – черная – походила на корону вокруг земной Луны во время солнечного затмения. Потому и назвал ее Затмением.

Было не холодно, но свежо от воды. Шли мы долго, а я, под грузом полученных впечатлений, едва передвигал ноги. Под уступом одной из скал, кое-как обустроившись на холодном песке, я наконец уснул. К тому моменту Кинсли уже сопел.

Утром луна Юпитер осталась лишь в виде трудно различимого трафарета на небе, а Марс и Затмение вовсе скрылись. Мы продолжили путь. Есть хотелось, но нечего было – котомка Кинсли давно опустела.

Кто там над нами на скале тронул камень и, главное, зачем? Случайно или умышленно? Неизвестно. С горы, вдоль которой мы шли, вдруг градом посыпались булыжники. Мы кинулись назад по тропинке – там тоже камни летят. Прижались к горе – кое-как втиснулись в крохотную пещерку. Так и спаслись от камнепада. Вот только вход в наше убежище завалило непролазно. И выход, разумеется. Дневной свет пробился через щели между камнями, только когда пыль улеглась. Я было начал камни расшатывать да вытаскивать – только хуже сделал. Груда камней еще сильнее нас прижала.

Да. Вот бы где мобильник пригодился. МЧС вызвали бы, все дела. Через пару часов уже бы сидел дома в теплой ванне. А тут... Ни мобильника, ни МЧС, ни ванны, наверное. Мне неудержимо захотелось домой. Никаких перспектив нашего с Кинсли вызволения не обозначалось. Все, что мне оставалось, – рассматривать груду, что вход завалила. И на самом верху я обнаружил небольшую дырку – может, Кинсли и пролез бы. Тот, к слову, руки не опустил, если не считать того, что он их в землю по локоть погрузил – подкоп рыл. Таким образом думал спасти нас. Я в это предприятие не верил, да и помочь ему не мог – не развернуться было.

– Кинсли, – сказал я хрипло. Горло саднило от пыли и дышать приходилось с трудом. – Видишь во-он ту дыру, на самом верху? Попробуешь пролезть?

Тот кинул взгляд вверх и продолжил рыть.

– Даже если и да, как я туда попаду? – спросил он, со злостью выгребая большую пригоршню песка.

– Я подсажу.

Он вновь поднял глаза, смерил взглядом расстояние до отверстия и мой рост.

– Только если на голову встать, тогда, может быть, я вон до того уступа на скале дотянусь. На него взберусь, а оттуда уже... Но, может, нас просто завалит...

Кинсли успел пролезть в дырку прежде, чем камни пришли в движение и обвалились, заполонив оставшееся передо мной свободное пространство.

Пару раз меня сильно ударило по голове – кровь потекла на лицо, но хуже того, я никак не мог руку выпростать, чтобы булыжник с головы скинуть. Один из камней острым углом врезался мне в грудную клетку и, как бабочку булавкой, прижал к косой стене пещеры. Рубаха прорвалась, кровь текла, но это все мелочи – хуже было то, что я не мог нормально вздохнуть.

– Кинсли... – просипел я так тихо, что даже если бы он рядом стоял, не услышал бы. Я умолк, пытаюсь прислушаться к тому, что происходит. Выбрался ли он наружу? Не завалило ли насмерть?

Лучик света, пробивающийся через щель между камнями, стал лучом надежды. Я смотрел в эту щель и думал о вечном – да, да, как ни странно, не о брэнном своем спасении, а о том, что же со мной произошло. Как я попал в этот жестокий мир с Затмением вместо Луны? Мир без сотовой связи и Интернета. Мир, где даже вино с пивом не потребляют. Заберите меня отсюда! Пока я жив.

Где я сделал ошибку? Вот идет себе человек домой из магазина, лифт вызывает. И р-р-раз – под сиреневым небом. Среди хмурых двуглавых лесорубов, готов, феминисток с копьями и драконов многоглазых. Был моментик, не спорю, когда казалось, что мне жутко повезло. Так бывает, наверное, когда от надоевшей жены уходишь к новой женщине. Кажется, как все по-новому, как все феерично! А через две недели, в очередной раз выливая в унитаз несъедобное содержимое тарелки или слушая «умности» новой пассии, понимаешь – нет, братец, зря поменял шило-то на мыло. Хотя сам я пока не был женат и не планировал.

Да, о чем я вообще? Какой брак, к лешему?! Я сдохну, если в течение часа меня отсюда не вытащат! Если Кинсли не найдет какого-нибудь доброго дракона, который камни эти снесет в стремнину, а меня, аки принцессу белолицую, вызовет из заточения. Помру тут от жажды или задохнусь – оба сценария мне казались равно вероятными: пить и вздохнуть полной грудью хотелось неудержимо.

Кровь из разбитой головы течь перестала, теперь струился

пот. Жутко хотелось стереть его с лица, почесать шею. Но на правом плече примостился булыжник, который нещадно давил, а левая рука была прижата к телу плотно, как у оловянного солдатика. Казалось, с момента спасения Кинсли прошло часа три. Впрочем, может, всего два или даже час – время в таком положении текло крайне медленно. Я слабел, а сознание мутнело.

Вдруг камни просто исчезли. Будто и не было их. Я рухнул на мокрый песок, хватая воздух и откашливаясь. Когда добрался до ручья и припал к нему, словно теленок к титьке, Кинсли рассказал, как меня удалось спасти.

Оруженосец был немногословен. Все, что мне удалось вытянуть, – ему помог какой-то знакомый волшебник.

Вызвал ли его Кинсли, или тот случайно пролетал мимо в голубом вертолете – неведомо. Карлик наотрез отказывался ударяться в подробности.

– Как он это сделал? – допытывался я.

– Как, как... – буркнул Кинсли. – Прилетел, рукой махнул, камни исчезли.

– А ты где был при этом?

– Как где?! Рядом, – удивился Кинсли.

Вот все, что мне удалось узнать о моем чудесном и долгожданном спасении.

– Что теперь? Тоже бабок ему должны?

– Чего?! – переспросил Кинсли. – Каких бабок? Зачем ему старухи?

– Денег, – говорю, – должны мы ему или как?

– Нет, братец, деньгами тут не отделаешься. На месяц пойдешь к нему в услужение, – сказал Кинсли.

«Девяностые какие-то... Разгул проамериканской демократии в России. Меня что, в рабство продали?! Это покруче, чем на „счетчик поставить“, как тогда говорили».

– Ты... серьезно?

– Совершенно.

– И когда я должен прийти отрабатывать?

– Он сказал, через месяц. Сейчас он слишком занят. Да ты не бойся – он не очень злой.

– А если не приду? Или можно не спрашивать?

– Да, – грустно кивнул Кинсли, – лучше не спрашивать.

Глава 3

Грахман

Жрать хотелось неимоверно. Но и то хорошо, что в ручье ополоснуться смог, да и раны, по счастью, не глубокими оказались – заживут до рабства. Если раньше слинять не успею. Отпуск под сиреневым небом стал порядком надоедать.

– Отчего камнепад-то случился, не узнал, случаем? – спросил я.

– Полевая трегга сказала, что это варг.

– А тенденциозность тотальной электрификации чревата избыточным маньеризмом, – ляпнул я.

– Что?! – свирепо уставился на меня Кинсли. – Ты сейчас выругался?

– А ты? Откуда я знаю, кто такие трегга и варг?!

– Чего непонятно-то? – махнул рукой Кинсли. – Трегга полевая – животная такая. С меня ростом. Варг – большой, зубастый и крылатый.

– Еще один дракон, значит, мало нам было грахмана с этим, как его, многоглазым?

– Трухе...

– И на фига он нас засыпал?

– Да он и знать не знал, что мы под скалой! – возмутился Кинсли. – Он просто сел на нее, пару камней стронул, а тут

и обвал пошел.

– Понятно, – грустно кивнул я. – Просто кто-то сел, а мы чуть не сдохли. Просто кто-то хотел есть – и тебя нет. Просто кто-то копьём потыкать решил – и...

– Слушай, что ты ноешь все время? В вашем мире иначе, что ли? Сильные не обижают слабых? Богатые не мучают бедных?

Я припомнил историю Земли и решил не спорить.

– В общем, давай уже этот кристалл раздобудем и заплатим кому-нибудь за информацию, как мне домой вернуться. Я, может, как-нибудь еще сюда загляну, но пока с меня хватит.

– Э, милый, даже если ты кристалл раздобудешь, это тебе не поможет при разговоре с Пчелиной ведьмой.

– Так дорого берет эта ведьма?

– Да не в том дело! А в том, что она с тобой разговаривать не станет!

– Ничего, главное – добраться до этих полей клеверных, а там увидим, – сказал я, надеясь на свое обаяние в вопросе убеждения старушки. Почему-то я был уверен, что заклинательница пасек должна быть непременно пожилой. – А как туда попасть быстрее всего?

– Быстрее всего? Ха! Только если Рахли согласится тебя перенести. Вот только вряд ли.

– Кто такая Рахли? – снова приосанился я, готовясь обаять.

– Не такая, а такой, – волшебник, который тебя спас.

Да, этот вариант отпадает. Рахли слишком дорого берет. За такую услугу он меня, пожалуй, еще на полгода в рабство определит. Лучше-ка я ему на глаза попадаться не буду. Как-то выберусь обязательно. Чуть раньше, чуть позже.

По дороге к гнездовью грахмана нам попался яблоневый сад. Яблоки, конечно, мужчину не насытят, но от голода спасут. В саду росли плоды большие и сочные, а у подножия деревьев вились странные существа. Карикатурные, я бы даже сказал. Маленькие, ниже Кинсли, толстенькие, почти круглые. Голова через три подбородка плавно переходила в голое круглое пузо, которое незначительно сужалось и раздвигалось, превращаясь в две толстенькие, складчатые ножки. «Зона бикини» была перевязана стеснительной тряпочкой, хотя, как мне кажется, вряд ли там и без тряпки можно что-то за складками разглядеть. За спинами этих недокупионов – крохотные прозрачные крылышки. В руках – луки со стрелами. Как же божкам без них?

– Влесли... – сказал Кинсли.

– В лес ли, по дрова ли? – не понял я.

– Народец этот называется влесли, если ты не знал.

И поведал мне трогательную историю этих толстячков. Они едят только фрукты, предпочитают яблоки. Но лопают их почти без остановки. Раньше у недокупионов и крылья были мощнее, и пуза поменьше, и жрали влесли что попало. Но со временем, из-за лени и неправильного питания, они

растолстели, а крылья превратились в атавизм, так как уже были не способны оторвать толстяков от земли. А есть-то хотелось. Вот почему влесли и обзавелись луками – стрелами яблоки сбивают. Правда, меткостью толстяки не отличались, но хоть с третьей стрелы, а сбивали заветный плод. Но влесли и сами нередко становились жертвами разных местных чудовищ, которым стрелы их детские – не помеха.

Наевшись яблок и насмотревшись на потешных толстяков, мы тронулись дальше. До скал уже недалеко было.

Вскоре, взобравшись на серый каменистый холм, я разглядел гнездо грахмана. Кинсли со мной не полез – внизу сторожить остался.

Но я тоже к гнезду не двинулся. Я не трус, но лезть туда, где мне запросто голову могут откусить, не осмелился. Даже если самого грахмана – а это, судя по всему, именно так – в гнезде в тот момент не было. Вдруг чудище поблизости где-то? А гнездо, как назло, было так установлено, что до него придется ползти по огромному плоскому валуну метров двести. Можно, конечно, не ползти, а пробежаться у всех на виду, если жизнь не дорога.

Оказалось, я не зря опасался – коллекционер блестящих предметов свой ценный склад надолго не оставлял. Пока я, из-за бугра выглядывая, изучал диспозицию, крылатый ящер появился дважды. Один раз что-то в гнездо принес в клювике, в другой – просто вокруг покругил. Меня, к счастью, не заметил.

Что сказать? Птеродактиль этот ваш грахман. Я таких на картинках видел. Компактный, правда, – крылья всего метра четыре в размахе, шкура переливается и плавно цвета меняет от розового до темно-коричневого. Зубы торчат как у бульдога. Загляденье, в общем.

Не зря я камень пузом грел – разведка принесла плоды. Гнездо грахмана располагалось между двумя огромными валунами, а прямо под гнездом – щель. Уж не знаю, зачем грахману этот поддув нужен, может, для вентиляции? Щель узкая, но книзу она расширялась. Вполне втиснуться можно.

– Кинсли, – сказал я, вернувшись к нему, – у тебя есть чем огонь раздобыть: спичка, зажигалка? Может, дракон карманный?

Он глубоко вздохнул и достал из кармана мешочек, а оттуда кремень и кресало.

– Вот как мы огонь получаем...

– Понятно, – кивнул я. Меня охватил азарт, но, наверное, Кинсли казалось, что одержимость. – А как бы нам еще лук со стрелами раздобыть? Могу сам, конечно, смастерить, вот только где тетиву взять? Слышал, что из тонкой коры свить можно, но не пробовал. Что, если у влесли лук одолжить?

– Неужели ты не справишься даже с яблокоедом? – брезгливо посмотрел на меня Кинсли. – С кем я связался?

– Справлюсь, – кивнул я. – Пойдем.

Конечно, я не стал обижать растолстевших купидонов, а предложил сделку – раздобуду им много яблок в обмен на

лук. Оружие, конечно, убогое и хлипкое, зато с нарезками, ленточками, ярко окрашено. Буду выглядеть с ним как гламурный Робин Гуд. Но лучше такой лук, чем никакого. Влесли согласились.

Я взобрался на дерево, стал яблоки срывать и толстякам скидывать. Кинсли тут здорово пригодился – ловил на лету. Тряской яблоки сбивать не хотелось, жалко мять такие красивые.

Так я три дерева оприходовал. Кинсли плоды красивой горкой сложил, а влесли только что не танцевали от радости.

Лук мне выдали самый лучший.

– Вот, – сказал я Кинсли, спрыгивая с дерева, – кооперация лучше, чем насилие!

– Угу, – поморщился Кинсли, – просто ты, видимо, лучше по деревьям лазаешь, чем дерешься. А то много времени бы сэкономили.

– Да? Пока стрелы из задниц вытаскивали? Которыми бы влесли нас расстреляли в отместку? – разозлился я.

– Тьфу! – плюнул Кинсли, таким образом дав мне понять, что думает о моем конформизме. – Дальше-то что? Ну, есть у нас лук для яблок. Хочешь с ним грахмана одолеть?

– Очень смешно. – Наступила моя очередь морщиться. – Пошли.

– Куда?

– Увидишь.

– Э... я это! – попытался возразить Кинсли.

– Не бойся. На шухере постоишь.

– На чем?

* * *

Мы подошли к валунам. Кинсли спрятался за ближайшим деревом, отдав мне мешочек с кресалом. Я протиснулся между валунами и, стараясь двигаться тихо, добрел до того самого места, где свет сиреневого неба почти не пробивался сквозь щель. Там, стало быть, и гнездо. До грахманского лежбища, свитого из больших веток и целых деревьев, было метра три.

Кинсли остался снаружи и из-за дерева следил за гнездом грахмана. Тот, судя по чавканью и хрусту, ужинал дома и отлучаться не собирался. Ждать пришлось около часа. Встречая вечер, сиреневое небо потемнело и стало фиолетовым.

– Давай! Улетел! – прокричали мне в пупок. – Я тебе машу-машу, ты хоть бы хны.

Оказалось, Кинсли, не дождавшись, пока я замечу его в темноте, ко мне прокарабкался.

– Поможешь? А то темнеет, один не справлюсь, – сказал я.

– Ох... Куда ж с тобой деться.

Я поджег стрелу, обмотанную сухой травой, потом выстрелил в гнездо. Стрела до цели не долетела и, рассыпая ошметки пламени, упала около нас.

– Это и был твой замысел? – просипел Кинсли. Он сидел

на короточках, прикрыв голову руками.

На этот раз я целился дольше, а лук натянул сильнее. Стрела вонзилась в гнездо.

Третья стрела воткнулась рядом со второй, и огонь запылал. На нас посыпались горящие ветки, кусочки травы и прочих горящий мусор. Ждать, пока обвалится дно гнезда, пришлось недолго. Задыхаясь от дыма, мы вылезли наружу.

– Если сейчас прилетит грахман, нам кранты, – прохрипел я, плюясь и кашляя. – Он хорошо в темноте видит?

– Думаю, нормально, – сказал Кинсли. – Снова в щель залезем. Лучше от дыма сдохнем.

– Оптимистичненько, – одобрительно кивнул я. – Но я с другой целью пожар устраивал.

Когда огонь поутих и стало можно дышать, мы вновь протиснулись в щель и, при свете тлеющих углей, разыскали красный кристалл. Я отпихнул его в сторону, а когда он остыл, схватил и спрятал за пазуху.

– Там еще много чего интересного, – сказал Кинсли.

Я поймал себя на том, что постоянно в небо смотрел, боясь узреть в нем нависшую крылатую тень.

– Давай поделимся, – сказал я. – Бери камень и топи к этому, двухголовому.

– А ты? – спросил Кинсли.

– А я с той стороны валуна вылезу и вплавь. Обогну холмы и потом туда же приду. Годится?

Через час я, в прилипшей к телу мокрой одежде, сидел у черного сруба и отрывал зубами мясо от чьей-то жареной ноги. Даже не хочу думать чьей. Пусть будет бараньей.

Кинсли с довольным видом сидел напротив меня, курил маленькую трубочку и попивал какое-то горячее пойло из деревянной чашки.

«Прямо как в игрушке компьютерной, – подумал я. – Квест выполнен. Герои получают золото и очки к опыту. Может, меня в самом деле в игру занесло? Почему меня? Я не особый игроман – читать люблю больше. Но если даже так – буду стараться выжить, а когда комп перезагрузят, надеюсь вернуться в мир живых. А что еще остается, кроме надежды?»

– Я спать хочу. Как думаешь, можно прямо здесь, на лавке? – спросил я.

– Можно, но не нужно. Пойдем, – ответил Кинсли.

Мы дошли до ближайшего леса, выбрали поляну, и карлик вынул из кармана какую-то штучку, похожую на наверху для новогодней елки. Крутанул – словно болт в гайке провернул – и установил среди поляны. Из штуки полился свет, который образовал купол. Красный такой, сверкающий.

– Пошли, – махнул мне рукой Кинсли, приглашая внутрь купола, и зевнул заразительно.

Кинсли вошел внутрь, и я перестал его видеть. Я обошел получившийся шатер со всех сторон – нет карлика, и все тут. А вскоре и сам купол исчез. На поляне пусто, травка зелене-

ет, под лунами блеснит. Я стал топтаться на том месте, где только что был шатер, звал Кинсли.

«Хорошо еще, – подумал я, – что меня внутри не было – оба бы исчезли. Где же его искать-то теперь?»

Вдруг шатер вновь объявился прямо передо мной. Из него вылез разгневанный и взъерошенный Кинсли.

– Ты что, олух?! Так и будешь стоять? Ты же спать хотел!

– Кинсли... А что происходит? Что это за... штука, – ткнул я пальцем в сторону купола.

– Ох... – раздосадованно вздохнул Кинсли, – ты как мовленок беспомощный, в самом деле. – Никогда не видел Тайный Кров?

– У-у, – замотал я головой.

– В общем, это волшебная штука, которая, когда ты внутри, защищает тебя... – он задумался, подбирая слова, – от всего!

– А куда вы делись с шатром? – спросил я.

– Ясно куда! – злился Кинсли. – Исчезли!

– А где ты был, пока тебя тут не было?

– Как где?! В Крове!

Я покорно вошел внутрь красного чума.

Внутри пол оказался мягким, но никаких подушек или одеял. Стены изнанки были не красными, а полностью прозрачными, настолько, что казалось, их и вовсе нет...

Глава 4

Шайна

Проснулся я без крова над головой – под открытым небом на той же поляне. Утреннее небо было не сиреневым, а густо-синим, со всполохами фиолетового. Очень красиво. Интересно, а где у них солнце? Луны целых три, а чем их Утро-ния днем освещается? Надо будет у Кинсли спросить. Где он, кстати?

Нет. Бросил меня, видно. Надоел я ему своей тупостью нездешней. Может, вернется еще?

Я с надеждой огляделся. Увы. Тогда я решил понять, с чем, так сказать, выступлю на неведомые тропинки против невиданных зверей. Кошель с деньгами, которые мы заработали за возвращение украденного грахманом камня, Кинсли оставил мне – мешочек как был приторочен к ремню на поясе, так и остался там. Мои красные джинсы от грязи и утренней росы стали бордового цвета. Футболка тоже была грязная и влажная, ну и пусть ее. Что ж, задача номер один и одновременно второй квест – найти местную лавку.

«Интересно, – проведя языком по зубам, подумал я, – а как тут зубы чистят? Никак, наверное. Эх, Мойдодыра на них нет!»

У ручья, возле которого я умывался, меня и застиг вер-

нувшийся Кинсли. Он был перепачкан в земле и копоти.

– Все в порядке, – сказал он, отдышавшись, – спрятано. Но я бы туда в ближайшие дни носу не казал.

«Ага! Не удрал, значит!» – обрадовался я, но постарался этого не показать.

– Куда – туда? – Я как ни в чем не бывало продолжил умываться, фыркая. Пытался стать примером для похожего на шахтера Кинсли. Тот, однако, только руки ополоснул.

– Сокровища и вещи волшебные, – таинственным шепотом сказал карлик, – я закопал прямо в расщелине под гнездом грахмана. Он никак не достанет. А прочие вряд ли туда сунутся. Если не расскажет никто. – И он с подозрением на меня покосился.

– Слушай, вы тут зубы чистите? – спросил я.

Кинсли уставился на меня ошарашенно.

– Из пасти воняет, что ли?

– Ну, не то чтобы воняет... – смутился я, – но люблю, когда...

– Понятно, – перебил он. Отошел в сторонку, сорвал какой-то листок, на салатный похожий, протянул мне. – Прожуй и выплюнь.

Я так и сделал. Провел языком по зубам... хм... гладкие, как глянцевый журнал, а во рту вкус приятный. Да-с...

Ежели наладить доставку этой травки в мой мир, производители зубных щеток и паст разорятся. Форму листка я постарался запомнить.

И вот я уже собрался сделать утреннюю инъекцию инсулина, как вспомнил, что шприц-ручки-то у меня нету! Но чувствую себя прекрасно. Это ничего не значит, конечно, и, возможно, скоро у меня начнут отниматься ноги и вообще разобьет паралич, но пока все было хорошо. Я не психую из-за каждой мелочи, не чувствую слабости, не ощущаю себя усталым и разбитым – в общем, нет всего того, что со мной случается, когда не сделаю инъекцию.

Если бы только знали здоровые, какое же это счастье – жить без уколов! Пять инъекций в день – иногда больше – врагу не пожелаешь. А забудешь или перепутаешь смесь инсулинов – страшно подумать... Но здесь я свободен от этого! Во всяком случае, пока. Нет, как бы то ни было, а я хочу хоть недельку пожить без инсулина. Пусть в меня тычут копьями, пусть заваливает булыжниками – все переживу!

– Ты о каких сокровищах и волшебных вещах говорил сейчас, Кинсли? – спросил я.

– А ты думаешь, кроме кристалла, из гнезда не высыпалось ничего? Как бы не так.

– А почему не забрал? – спросил я.

– Ты совсем, что ли? Еще удивительно, как нас вчера грахман не отследил. Хорошо, что темно уже было. Он еще долго будет свои сокровища разыскивать. Пусть там полежат пока.

Я помолчал, раздумывая.

– Скажи, а почему ты мне об этом сказал? Я, как кристалл схватил, и думать забыл, что там еще что-то есть.

– Не понимаю, – уставился на меня Кинсли. – А почему я не должен был говорить? Думаешь, – он стал оглядываться, – нас слышал кто?

– Да нет. – Я подбирал слова. – Ты мог просто меня в известность не ставить. Пошел бы, когда все уляжется, забрал да и продал. Разве там нечего загнать?

– Куда загнать? – не понял Кинсли. – Зачем продавать без тебя? – Он на какое-то время замолчал. – Ты с какой дикой планеты прибыл, парень? Я же твой провожатый, ты забыл? Мы с тобой, – поморщился карлик, – как одно целое. Я не могу тебя обмануть.

«Здорово. А сам на меня все время с недоверием косится. Или мне показалось?» – подумал я...

Вечерком за кружкой травяного чая Кинсли подробно рассказал об их мироустройстве. В Утронии четыре – если можно так сказать – центра силы. Западные королевства, бестиарий, маги Заморских холмов и некий Немо.

Западных королевств четыре. Одно из них – королевство готов. Эти ребята простые, сердитые и бесхитростные. Отличные бойцы, но «война им мать родна» не про них. В нескольких днях пути от готов – королевство Союз. Смешанное. Там и двухголовые, и четырехрукие, и люди-рыбы. Король союзцев, по мнению Кинсли, безумец, да и подданные такие же. Рядом с Союзом – королевство фаншбов. Кто это такие, я понял плохо – полужвери, полулюди, полуволшеб-

ные существа. Четвертое можно назвать королевством только с оговоркой – оно состоит из кочевников, разбойников и обычного сброда. Занимают разбойники два леса Хуала и окрестности. К хуальцам никто не суется, но не наоборот.

Бестии, они же монстры, они же чудища, живут повсеместно, дерутся всегда и со всеми, законов не понимают, традиций не чтут. Одно слово – бестии.

Маги Заморских холмов. Эти живут особняком, занимая целый край на берегу восточного моря Славсев. И леса там первозданные, и горы могучие, и поля цветущие. Но ни чудовищ, ни людей, ни подданных западных королевств на Заморских холмах нет. Попасть в этот мир непросто – он защищен прозрачной стеной. Сквозь нее могут пройти только маги. Или те, кому они разрешат. Так было до недавнего времени.

Лет двадцать назад в Утронии объявился некий Немо. Первое время он вел себя спокойно, но в последние годы все изменилось. Немо и его войско рубит в салат всех и вся. И прозрачная магическая стена для него не преграда. Западным королевствам тоже достается, причем больше всех готам, но главными врагами Немо почему-то выбрал магов. Бестии тоже нередко отхватывают. По словам Кинсли, Немо – могучий маг. Более сильный, нежели любой из заморских, а может, даже сильнее их, вместе взятых. Интересно, что он и его войско очень редко нападают на одиночек. Группа магов или семья крупных бестий пребывают в большей опасности,

чем когда они порознь.

«Больше чем по двое не собираться», – подумал я.

– По слухам, – наклонился ко мне Кинсли, – сейчас магов осталось совсем мало – сотни перебил проклятый Немо.

– Слабые, видать, маги, раз их так проредили.

– Дурак ты, – буркнул оруженосец, но пояснять не стал.

– А этот, как его... Рахли – он что же, не за стеной?

– Он отшельник. Уже много лет один живет.

– Хм... По-взрослому тут у вас: отшельники, интриги.

Получалось, что этот Немо со своим войском и есть четвертый центр силы. И главный.

– В общем, двигаем к твоей ведьме Пчелиной, – сказал я. – Других вариантов не вижу.

Кинсли покачал головой. Потом наконец сказал, поморщившись:

– Можно, конечно, попробовать пешим ходом дойти, но...

И тут за стенами таверны загрохотало. А нынче мы в другом заведении решили остаканиться, но тоже в срубе из черных бревен.

Грохот прекратился, тяжелая дверь отворилась, скрипнув нещадно, и на пороге нарисовалась та самая блондинка, которая чуть из меня шашлык не сделала позавчера. Или год прошел с того дня? Одета она была чуть побогаче – кожаные бриджи, безрукавка, сапоги. Видать, похолодало к вечеру-то.

Она решительно подошла к нашему столику и прокричала Кинсли:

– Хар! Вагихма лахт ишма грахман!

Я встал. Это было ошибкой. Сразу же после этого я получил кулаком в челюсть и оказался под столом.

– Кирхма, алигла тахт! – продолжала ругаться девушка.

«Хороший удар», – подумал я, потирая челюсть и раздувая, не остаться ли под столом. Но все-таки вылез.

– Я, конечно, очень извиняюсь, но что происходит? – спросил я, глядя на злобную валькирию.

– Не знаю, – обращаясь ко мне, процедила девушка, – из глотки какого шиврота ты вылез, из задницы какой вонючей беременной махральны, но лучше залезь обратно! – Она попыталась снова ударить, но на этот раз я был готов и отразил удар. Ате уки – так этот блок называется.

– А можно сначала, – снова блок, – объяснить... – попытался я придать беседе светскость, отклоняясь от удара в лицо.

– Нечего объяснять, – прошипела красавица, – из-за твоих дурацких подвигов разгневанный грахман напал на деревню. Пострадали люди. У Сылка переломаны кости!

Кинсли попытался проямлить что-то успокаивающее, но девчонка его не слушала, а выхватила из-за пояса длинный нож и снова бросилась на меня.

Сделав шаг навстречу, я перехватил ее руку с ножом, резко повернулся к валькирии спиной и нанес удар ребром ладони в пах. Не надо думать, что удары в пах только для мальчиков болезненны. Поднырнув под рукой с ножом, я резко

вывернул ее за спину девчонке. Она сопротивлялась, пыталась со всей силы наступить мне на ногу, но я уже не шутил и дрался всерьез.

Да, всех нас учили, что девочек бить нельзя. Но на тренировках карате гендерных различий не делали: девочка или мальчик перед тобой – бейся.

Я дернул вверх ее вывернутую руку, и валькирия разжала кисть, роняя нож.

– Может, все-таки вернемся к диалогу? – почти эротично прошептал я на ухо нападавшей.

– Шахвраз! Букх! Малиндагр! – выплюнула проклятия она.

«Татарский, что ли? Или тюрский какой-нибудь?» – подумал я.

– Шайна, – наконец заговорил Кинсли, уши которого от страха были крепко прижаты к щекам, – этот мальчишка ни в чем не виноват!

– Тогда кто? Ты, что ли?

– Шайна, – я оттолкнул девчонку, отпуская руку, – карлик не прав. Я виноват, это я разрушил гнездо грахмана.

– Карлик?! – возмутился Кинсли. У него даже уши выпрямились.

То-то же. Не будет мальчишкой называть.

– Думаешь, я этого не знаю, подонок? – Шайна, разминая пострадавшее плечо, наклонилась за ножом.

– Могу спросить – откуда? – Я снова уселся, надеясь, что

драка окончена.

– Сначала скажи, откуда ты вылез, ублюдок, – проворчала девчонка, усаживаясь за стол напротив меня, – что, как младенец, ничего не знаешь? И правда, что ли, из матки махральны? А задницу я тебе еще надеру, – закончила она вдруг.

Пахнуло плохим Голливудом.

– Он из другого мира... – начал Кинсли.

– Да. Я у вас всего третий день. Что касается моей задницы, – добавил я хмуро, – она когда угодно в твоём распоряжении.

Хм... Хотел, чтобы прозвучало брутально, получилось... то, что получилось.

– Мы ответили на твой вопрос? Теперь ответь на мой. Откуда ты узнала о нашем... – Так и хотелось сказать «подвиге», но я сказал: – Приключении?

– Финфор, – проговорил Кинсли как о чем-то известном всем.

– Кинсли, – сказала Шайна, – принеси, он в походной сумке.

Кинсли недовольно вздохнул, но соскочил с лавки и вышел из заведения. Шайна, щелкнув пальцами, подозвала к себе разносчицу и велела принести две кружки зайти и мяса. Я тоже заказал еще кружку. Сидр – вот на что был похож этот напиток. Да, малосладкий сидр – я как-то покупал такой. Хуже пива, конечно, но пить можно.

– Смотри, чужак. – Шайна подставила ладонь, в которую Кинсли покорно вложил круглый красный шар. – Эта штука называется финфор.

Вдруг внутри шара, будто на дисплее круглого смартфона, я увидел нас с Кинсли – в тот момент, когда мы в расщелине прятались. Потом загорелось гнездо, стоящее на валуне, выбежал, пряча за пазуху камень, Кинсли. Далее на круглом «дисплее» стало видно, как я ныряю в море и долго плыву. Интересно, кто нас снимал? И откуда? И чем?

– Но как...

– Эта волшебная штуковина – глаз мертвого шрубаглакла. Глаз этот способен увидеть что угодно. Нужно только заклятие произнести. У нас о финфоре даже дети знают. Но ты, конечно, об этом слышишь впервые, – сказала Шайна, приложила к кружке и долго пила.

Эх, нет у меня мобильного с собой! Ткнул бы ей сейчас в красивую мордочку, со словами: «А вот это видела!» И показал бы, на что способен современный телефон! Хотя что-то подсказывало, она не сильно бы удивилась – у них тут только черта лысого нет. Да и то не факт.

Внутри шара началась новая «трансляция»: грахман летал над каким-то поселением – наверное, та деревушка, что прямо возле грахманских скал. Птеродактиль наводил на жителей ужас, они бегали, кричали, прятались в домах. Грахман снес соломенные крыши у двух строений, а потом, вставив бошку в некрытый дом, вытащил подростка. Тот извивался

и истошно орал. Грахман, резко крутанув головой, отшвырнул мальчишку, который пролетел через полдеревни, пока не врезался спиной в стену дальнего дома. Чудище издало отвратительный крик, похожий на свист тормозов, взмыло в небо и, громко хлопая крыльями, улетело.

– Когда это было? – мрачно спросил я.

– Вчера, – брезгливо бросила Шайна. – И это не в последний раз. Тупой грахман решил, что виновны деревенские. Пока не выбьет из них свои сокровища, будет нападать. Силк уже у лекарей, но поднимут ли его – неизвестно. – Она снова уставилась на меня взглядом полным злобы и осуждения.

– Кинсли, а что, если снова с Рахли переговорить? – спросил я. – Может, он поспособствует?

– Ты, я смотрю, все привык делать чужими руками? – вместо карлика ответила Шайна. – Давай беги, может, он тебя не на месяц, а на всю жизнь в рабство заберет. – Она неженственно сплюнула под стол, почти попав мне на кроссовок. – Хотя от этого всем стало бы только лучше.

«Она уже знает про договор с волшебником?! Да, им тут СМИ не нужны – новости разносятся с порывами ветра, видимо».

– Как можно остановить грахмана? – Настроение у меня начало портиться, внутри закипало горячее желание решить проблемы. Пренебрежение и злоба Шайны раздражали, как и совесть, которая подала голос сразу после увиденного в шаре.

– Убить только, – ответила валькирия. – Но я одна не справлюсь.

– А вдвоем?

Шайна снова взглянула матерно. Потом во взгляде сомнение мелькнуло – видимо, вспомнила, как я ее только что укалывал.

– Там руками махать без толку. Какое твое оружие? – спросила она.

Я хотел сказать про острое слово, что ранит в самое сердце, но промолчал.

– Автомат Калашникова, – сказал с умным видом. – Жаль, что дома забыл.

Автомат, к слову, я в жизни в руках не держал.

– Это еще что? – спросила Шайна.

– Палка такая, что жалящих пчел выпускает, – сказал я.

– Ты – маг? – Во взгляде ее впервые мелькнул интерес.

– Нет. Почему?

– Не знаю тогда, что в вашем диком мире за палки, что пуляются пчелами. Тут все проще: мечи, кинжалы, копья да арбалеты.

– Тогда вот. – Я кивнул Кинсли, и тот расчехлил мой детский лук. – Я, правда, стрелок аховый, но хоть что-то...

Девушка захохотала в голос.

– Ладно, пойдем, – сказала она, отсмеявшись, – будешь этой игрушкой грахмана отвлекать, а я ему на спину запрыгнуть попытаюсь.

Вот и весь план.

Грахмана мы прождали в засаде почти до ночи. Я уже стал носом клевать – спать хотелось после зайти и пережитых волнений.

Шайна толкнула меня в плечо, когда в опустившейся тьме ничего разглядеть было невозможно. Но вскоре стал виден силуэт летящего чудовища и слышен стук крыльев.

– Эй! – Шайна вскочила, замахала руками и закричала грахману: – Шарвагма крухм клахма сипла! Ямн сипла свардрла!

«Говорят, немецкий – язык войны? Есть претенденты покруче», – подумал я.

Грахман завис над нами. Он визжал, как легковушка на повороте, и посылал крыльями сногсшибательные воздушные потоки. В смысле, сшибающие с ног.

«Неужто он ее понял? – подумал я. – Неужели даже такие тупые уроды, которые считают, что украсть могут только соседи, понимают язык Древних?»

– Что ты ему сказала? – крикнул я. Мой переводчик Кинсли где-то поодаль схоронился.

– Что это я поганый кристалл украла! – крикнула Шайна. – Отвлеки грахмана на себя!

Красавица держала в руках два длинных кинжала и выглядела очень решительно, да и облачена была соответствующе. Нагрудник из белого металла, шлем, из-под которого свет-

лые волосы струились, наручи, наколенники, кожаные шорты. В общем, художник Валеджо тотчас бы схватился за карандаш. Грахман Шайну, очевидно, знал – он стучал крыльями и орал угрожающе, но атаковать не решался. Зато постоянно смещался в небо, видимо, выбирал угол атаки. Но Шайна тоже не стояла на месте – все время оставалась лицом к грахману, выставив вперед два кинжала, словно клыки.

Я вылез из-за камня, перебежал так, чтобы оказаться у грахмана за спиной, и стал в него стрелы пускать. Ни одна не воткнулась. Птеродактиль не яблочко – стрелы, стукнувшись об ороговевшую кожу, отлетали, как бильярдные шары от бортов. Впрочем, отвлечь я смог – грахман в воздухе развернулся и, заметив меня, сразу напал. Я бросился наутек. Недалеко убежать получилось – дикая боль пронзила плечо. Сквозь ее приступы и мой собственный вопль прорывались окрики Шайны.

– Заставь его снизиться! – кричала она.

Оказывается, я болтался в пасти грахмана – прокусив плечо, гнусный звероящер тащил меня вверх, то ли желая швырнуть, как того пацана, то ли планируя сожрать. Преодолевая дикую боль, я смог слегка развернуться и свободной рукой со всей силы врезать гаду в глаз. Грахман только моргнул. Но и помешать мне не смог. Я стал молотить тварь по глазу со всей силы – костяшки у меня еще с тренировок к боли были нечувствительны, отжимания на кулаках приносят плоды. Один из ударов особо удачным получился – грахман даже

пасть распахнул. Из утробы вновь визг тормозов раздался. А я – как тот сыр у вороны – вниз полетел. Чтобы не соврать, метра четыре до земли было. Ноги отбил, но остался жив – это главное, а вот плечо визжало от боли громче, чем недавно грахман. Как только я смог подняться, тварь опять на меня бросилась. Я выставил руки перед лицом, как пятиклассница, когда в нее кем-то брошенный мячик летит. Стыдно признаться, но в тот момент я полностью растерялся.

Как уж Шайна умудрилась грахману на спину вспрыгнуть – незнаемо, но смогла, – я и сквозь пальцы увидел. Увидел и то, как она вонзила кинжалы прямо ему в слуховые отверстия. Кладнули клинки, фонтаном брызнула темная кровь, истошно заорали тормоза легковушки. Тело мертвого грахмана рухнуло прямо на меня...

Глава 5

В путь

Очнулся я в дивном месте. Оно было похоже на тот пятак между скалами, на котором я оказался, когда попал в этот мир. Но здесь было попросторнее, а место казалось обжитым. Внизу зияла пропасть. Из породы в ложбину бил горячий источник. Прелесть – горячая ванна к вашим услугам. В ней уже плескался Кинсли. Рядом, спрятав голову под крыльями, дремал трухе. Шайна кашеварила возле костра. Я же, как выяснилось, лежал на шкурах в тени скал. – Эй! – крикнул я. – Где это мы?

Шайна подняла глаза, дую на деревянную ложку с варевом.

– У меня дома, – сказала. – Как ты?

Ого, говорит не сквозь зубы?! Прогресс.

– Плечо болит, – сознался я. В нем зияли несколько дыр от зубов грахмана. Удивило, что укусы не загноились. Вот веселье-то начнется! Вряд ли у них тут имеется аптека с антибиотиками. Заодно вспомнил и об инсулине – без него-то я обхожусь. А не должен бы. Сахар не меряю, а голова даже не закружилась ни разу. Хотя что я несу?! Закружилась раз двести, но по другим причинам.

– Пройдет, – спокойно уверила Шайна. – На-ка выпей. –

И протянула глиняную чашу с питьем. По вкусу – травяной чай.

– Так мы с Кинсли в гостях у тебя? – сказал я, садясь и озираясь. – Миленько. Даже по фэншуй. Жаль только – пропасть в зоне богатства.

– Чего? – поморщилась Шайна. – Головой ударился, когда падал? – беззлобно проворчала она.

– Плечо мое мазала чем-то? – спрашиваю. – Не гноится укус.

– Почему он гноиться должен? – удивилась девушка. – Тебя же не шиврот цапнул...

Ели мы кашу непонятного цвета, вкуса и состава. «Каша» – только по консистенции. По вкусу была похожа на творог, только горячий. И пахла тиной. Но есть можно и сытно, как оказалось.

– Можешь здесь отлежаться денек-другой, а как поправишься, вали куда шел и лучше нам с тобой больше не встречаться, – сказала Шайна, зачерпывая из миски.

– Что ж ты меня после боя не бросила? – прищурился я.

– Дура потому что, – честно призналась валькирия, – сначала делаю, потом думаю.

– Угу, я тоже заметил, – кивнул я.

Вдруг она рассмеялась.

– Что, под тушей грахмана надо было тебя оставить? Этот... – она кивнула в сторону Кинсли, который уже вылез из «ванны» и, напевая, обтирался какой-то тряпицей, – ни в

жизнь бы тебя не вытащил. Сил не хватило бы. И у нас не так, как у дикарей из неизвестных миров. Мы не оставляем на поле умирать тех, с кем бились бок о бок.

«Ух ты! Да они тут прям самураи», – подумал я, а вслух сказал:

– Спасибо. Денек отлежусь и двинусь.

Тут мой взгляд коснулся ее красивых, крепких ног. И подзастрял.

«Урод похотливый. До того ли сейчас? Радуйся, что жив остался, а не сгнил под тушей грахмана. Вот домой вернешься...» – с усилием отводя взгляд, увещевал я себя.

Впрочем, девушка так была занята едой, что вряд ли заметила эти мои борения.

«А хороша она все-таки... Грубовата, конечно, но и жизнь тут не мед. А в остальном... Даже чумазость ей к лицу».

Шайна отставила пустую миску, налила себе того же отвара, которым меня поила, сделала глоток и посмотрела с усмешкой.

– Эй, – сказал Кинсли. Он часто ко мне так обращался. – Мне домой надо наведаться. Подсобрать кое-что в дорогу. Вернусь завтра к вечеру. Ты уверен, что хочешь идти туда?

Я кивнул. Кинсли побрел по тропинке, которая вела между скалами вниз.

– Куда направитесь? – Во взгляде Шайны мелькнуло любопытство.

– Ведьму какую-то искать... – вздохнул я. – То ли осиную,

то ли шмелиную... Кинсли сказал, только она и может знать, как меня угораздило сюда попасть.

– Ясно. – Шайна встала, похлопала по боку грухса, чем его разбудила.

Тот расправил крылья и взмыл в небо. Наверное, тоже завтрак отправился.

– И у меня к ней дельце было... – сказала воительница, задумчиво глядя вслед улетающему дракону.

– Пошли с нами? – обрадовался я. В компании с боевой красавицей было бы веселей.

– Я – одиночка, – сказала Шайна. – Кроме того, хуальские разбойники на западе расшалились, а у меня договор с готами. За день там не управишься, по опыту знаю. Зато и платят хорошо.

Я немного понял из ответа, но решил не переспрашивать. Шайна принялась мыть миски в горячем источнике, я же отправился на краткую прогулку по скальному пятаку. Сделал несколько шагов и лег – слабость одолела.

«Тут у нее мило, – снова подумал я. – Скалы из какого-то камня с бордовыми вкраплениями, „ванна“ в квартире, свежий воздух круглые сутки без всякого кондиционирования. Я бы, пожалуй, тоже смог так жить. Вот только как она от дождя укрывается? Навесы скальные не закроют плато от косого ливня. А может, у них тут и не бывает дождей? – спохватился я. – Мир-то, мягко говоря, со странностями».

На второй день плечо мое вообще зажило. Шрамы остались, и весьма внушительные, но уже не болели. Воздух бактериологический, что ли?

Дождь хлынул днем. Полноправный, мощный, смывающий волной некрупные камни и мои сомнения в его существовании. Шайна дремала под скалой, трухе, будто горный орел, предвзято озирает окрестности. До того, как дождь начался. После мизансцена изменилась – трухе расправил мощное крыло прямо над нашей стоянкой, уперев коготь в скалу. Шайна нырнула под этот навес, я последовал ее примеру. На сухой площадке примерно два на два метра было не то чтобы просторно, но вполне уютно.

Все, что было дальше, – как-то само случилось. Шайна облокотилась о мое плечо, ноги от ливня пряча, я ее приобнял, вроде как согревая...

Потом мы еще долго согревали друг друга – и дождь кончился, и грухс улетел. Шайна была горяча, требовательна и восхитительна. Трудно сказать, оказался ли я на высоте, так как большую часть времени находился снизу, но я не в претензии.

Потом мы задремали. Проснулся вечером – ни грухса, ни Шайны не было, зато у костра сидел Кинсли. Рядом с ним размещалась туго набитая котомка.

– Кин, что-то есть хочется не по-детски. Где бы тут кус мяса хватануть?

– Только в харчевне... Но можно и самим поохотиться.

– Подождем Шайну или...

– Она улетела к готским лесам. Сегодня ее не жди. – Кинсли снова отвернулся к костру, и я понял, что он уже откуда-то знает, как мы с Шайной переждали дождь.

Поели мы не в харчевне. Опускаясь со скалы в низину, почувствовали аромат жаркого. Пошли на запах. У костра сидели люди – а как их еще назвать, даже если у некоторых четыре руки или две головы? – и ели. На вертеле над костром жарилась чья-то туша. За деньги кормили всех желающих. Поужинали и мы. Переночевали под Тайным Кровом в лесу. Утром тронулись в путь.

– Так ты говорил, – начал я, – что бабка-пчеловод частенько кормит своих насекомых на маковом поле?

– Клеверном, – сердито ответил Кинсли.

– Понятно. И как нам туда попасть?

– Самый короткий путь – по морю. Но на Заморские холмы этим путем не попасть. Наша лодка прямо перед берегом просто упрется в прозрачную стену.

– А как-то обойти?

– Только и остается, – грустно сказал Кинсли. – Но это не лучше.

– Почему?

– Обойти можно только с одной стороны – с южной. С западной и северной – море Славсев, а значит, там тоже за-слон прозрачный. С восточной – Неведомый океан. Туда если только по воздуху можно попасть. И мне неизвестно, есть

ли там заслон вдоль берега или нет. А с южной стороны можно и посуху, но придется пройти болотами Грольш. А до них – Заброшенные пещеры.

– И там нет заслона? – спросил я.

– Он там не нужен. Нормальный утронец тем путем не пойдет никогда. А если пойдет, вряд ли вернется.

Чувствуя, что начинаю переполняться значимостью, я спросил:

– То есть никто, кроме нас, туда идти не решается?

– Может, и так, дураков-то немного. – По взгляду Кинсли я понял, что он считает меня исключением. – Да и мало кто отважится у магов что-нибудь попросить. С ними, знаешь ли, шутки плохи – потому и стену поставили, что гостей не любят. Если магам что-то нужно, сами наведаются. Не постесняются.

– Может, и нам ведьму подождать? – охотно предложил я. – Как она полетит в наши края, мы ей ручкой помашем да расспросим обо всем.

– Пожалуйста, можешь ждать – мне все равно. Только я ни разу не слышал, чтобы кто-то смог рой пчел расспросами остановить.

– А Рахли точно не знает, как мне в свой мир вернуться?

– Не знает, – покачал головой Кинсли. – Я спрашивал.

– Тогда другого пути нет. Двинусь болотами да пещерой. Тебя не зову, понимаю...

– Я с тобой пойду. Без меня совсем пропадешь, – вздохнул

Кинсли. – Такова уж доля оруженосца.

– Спасибо, дружище, – похлопал я его по плечу. – На том свете обязательно замолвлю за тебя словечко.

– Только сначала на этом свете кое-куда наведаться надо, – сказал Кинсли. – Пока не поздно...

Этим местом оказалась памятная расщелина. Под покровом межскальных теней мы добрались до тайника Кинсли. В нем была куча всякой всячины типа дешевых бус, медного чайника и старого ржавого щита, покрывавшего тайник. Щитом мы клад и раскапывали. Ни чайник, ни бусы Кинсли не заинтересовали, как и меня, но кое-что карлик велел обязательно взять с собой. Таковых вещей было шесть: охотничий нож с красным лезвием и резной рукояткой из черной кости, серебряная диадема, три дротика и перстень с зеленым камнем. Я подобные камни видел в магазинах, где продается все для медитаций. Не то чтобы был завсегдатаем, но пару раз покупал там ароматические палочки.

– Эти вещи – волшебные, – страстно прошептал Кинсли.

– А что они могут?

– Вот это – диадема императора! – Он указал на серебряный полукруг, больше похожий на женский ободок для волос.

– Так какие у нее свойства? – спросил я нетерпеливо. – И у перстня этого? Что они, дополнительную жизнь дают, снабжают опцией невидимости, уровень маны поднимают до запредельного?

– Чего? – строго посмотрел на меня спутник.

– Да, извини... – осекся я. – Слушай, Кинсли, у нас на Земле язык отличается от вашего, поэтому давай так договоримся – когда я начинаю говорить непонятно, скажи мне: «Слезай с коня!»

– С кого слезай?

– Ох... Тяжко-то как... – вздохнул я. – Ладно, не важно, кто такой конь. Просто запомни: «Слезай с коня». Хорошо?

– Наплевать, – кивнул Кинсли. – Слезай сколько влезет, только говори понятно.

– Отлично. Итак, какой толк от этих вещей?

– Это тебе другие расскажут, – хмуро ответил Кинсли. – Если захотят. Пчелиная ведьма, например.

– Угу, – поморщился я. – Если мы доберемся до нее. Так с чего же ты взял, что эти вещи волшебные?

– А ты будто сам не видишь?

Мы вышли из расщелины, небо было ясным, но никакого свечения над найденными предметами я не заметил.

– Ничего не вижу.

– Станный все-таки мир, из которого ты явился, – сказал Кинсли.

– Очень, – признался я. – По сравнению с этим – очень...

Мы шли перелеском. Вокруг было много грибов, но мне все незнакомые. Оказалось, Кинсли в местных грибах разбирался. Мы их собрали и пожарили. И вот в тот самый мо-

мент, когда решили закусить, — закусить решили нами. С дерева спустилось что-то желтоватое, почти такого же цвета, как листья. А тут у цвета листьев и травы, как я понял, никакой зависимости от времени года не было. И вот когда я вкусный гриб с дымком надкусил и блуждающий взгляд на ближайшие деревья направил, он уперся в эту самую тварь. Четыре конечности, все угловатые, как у паука. Тело похоже на крабье. Ни головы, ни шеи нет, а пасть прямо спереди туловища. Зубы кривые, глазки маленькие, злые, красноватые. И так оно быстро к нам почесало, что я едва успел вскочить. Прыгнул через костерок, схватил Кинсли под мышку и вместе с ним побежал. Кроме ножа с красным лезвием, у меня оружия не было, да и не особо я им пользоваться-то умел. Я могу заблокировать нож, отбить, даже руку противника выкрутить и самого ранить его же оружием, а вот нападать не обучен. Карате — это средство защиты от вооруженного воина с помощью голых рук и ног, а не искусство драться на мечах, ножах и саблях. И хотя на Окинаве крестьяне для самозащиты использовали порой всякий подручный инвентарь, карате в чистом виде — искусство безоружной защиты. И мой сэнсэй этой линии строго держался. Вот только как без топора отбиться от краба громадного с панцирем, как у черепахи, и скоростью, как у гончей, — сэнсэй объяснить не успел.

Тварей было несколько — они посыпались с деревьев, как яблоки в саду купидонов. Одна мне в штанину вцепилась — хорошо, что до ноги не добралась. Но не успел я порадовать-

ся, как тут же другая тварь уже в ногу вгрызлась.

– Поставь меня! – заорал Кинсли.

Я так и сделал. Он сразу же воткнул в землю гайку с болтом, провернул, и мы вместе с двумя тварями – одна мне ногу грызла, другая штанину рвала – оказались под куполом Тайного Крова. Тут уже я обоих «крабов» ножом заколол. Смог пробить лезвием панцирь. Для остальных тварей мы стали невидимы и недосягаемы.

Штанина джинсов быстро кровью пропиталась, а о боли можно и не говорить. Я осел на землю, задрал брючину – да, зрелище не из приятных.

– Муракки, – сказал Кинсли, вытирая о тряпицу лезвие моего ножа, перепачканное черно-коричневой кровью тварей.

– Дай-ка, – сказал я и протянул руку. Пришлось обрезать штанины до уровня шорт – все равно одна в клочья разодрана, другая не только разодрана, но и кровью пропиталась. Зато теперь есть ткань, которой можно было перевязать поврежденную ногу.

«Вот теперь без антибиотиков мне точно кранты», – подумал я.

– Что же ты не предупредил о них? О мураками твоих, харуки их побери!

– А зачем?

– Ну ты даешь! Затем, чтоб мы готовы были. Или лес бы этот за сто верст обошли. Ты что, не знал, что они здесь во-

дятся?

– Юноша, – Кинсли снова занялся возрастным унижением, – в нашем мире бестии везде, понимаешь?! Если хочешь, чтобы я предупредил, тогда предупреждаю! Здесь нет спокойных мест! Даже в Тайном Крове не всегда укроешься. И про мурашки я знал, и еще много про кого знаю, о ком ты и слышать не захочешь. Но что же, теперь не жить?

– Ваш мир Угробией надо было назвать, а не Утронией, – сказал я, глядя на ногу. Кровь вроде бы перестала фонтанировать, но болело ужасно. – Жаль, я пожрать не успел. Слушай, а почему мы прямо под кровом костер не развели? Поели бы спокойно...

– Нельзя. Чары от огня спадают.

Спустя несколько минут Кинсли снял кров. Мурашки исчезли. Карлик быстренько вернулся к костру, подобрал ветки с жареными грибами – лесные твари такого не потребляли, поэтому обед остался нетронутым – и снова вернулся. Установили кров, перекусили, раздумывая, что делать дальше.

Мне все это стало осточертевать. Ни дома нормального, ни холодильника, ни книг с фантастикой, ни тапочек любимых, в конце концов! При этом кто-то постоянно норовит тебя сожрать или иным способом прикончить.

«Зато тут есть Шайна, – подумал я. – Хотя... Уверен, для нее наше романтическое приключение под крылом грахмана ничего не значит. А для меня? Тоже непонятно».

Нога болела нещадно. С поддержкой Кинсли я добрел – постоянно оглядываясь – до ближайшего ручья, там промыл рану, снова перевязал. В чайник воды набрали, потом опять кровом накрылись – от греха.

– Я не доктор, конечно, – сказал я, – но, судя по укусам, если даже и заживет без воспаления, как от укуса грахмана зажило, придется мне отлежаться. – С этими словами я хотел нож за пояс заткнуть и с удивлением обнаружил, что цвет клинка поменялся – он стал темно-коричневым. Сначала я думал, что это просто кровь муракки впиталась, но, сколько ни мыл, красный цвет не вернулся.

Кинсли взял нож, удивленно хмыкнул и снова вернул мне.

– Я сразу понял, что этот нож необычный – колдовство почувствовал. Но никак не ожидал, что это Кровный Убийца. Не думал, что они еще остались. Редчайшая находка, скажу тебе. Вот так повезло!

– И в чем же его суперспособности? – спросил я.

– Завтра сам увидишь. Заклинание только запомни. – Он наклонился ко мне и прошептал, видимо чтобы нож не слышал. – Пуля – дура...

– Штык – молодец, что ли?

– Откуда ты знаешь? – удивленно воззрился Кинсли.

– Я это заклинание в первый раз еще в школе слышал, – сказал я. – Или в фильме каком-то...

Утром я смог идти. Да, нога еще побаливала, но опухоль спала – от зубов тварей остались несколько шрамов, но неглубоких. Воистину, тут воздух с пенициллином.

– Ну что, – с профессорской важностью спросил Кинсли, – опробуем твой нож?

– Давай, – пожал я плечами.

– Подкинь его и скажи заклинание! Помнишь?

Я подкинул и крикнул:

– Пуля – дура! – И почему-то голову руками закрыл, будто боялся, что нож в меня полетит.

Нож метнулся к кроне дерева, растущего неподалеку. С него упали две половины разрубленного мурачки. На соседнем дереве еще одна тушка посчитала ветки, пока вниз летела. Вскоре еще один труп, падая, ободрал листву. Нож мой метался от дерева к дереву, как взбесившаяся петарда.

Когда мы насчитали двенадцать трупов, я решил его оставить.

– Крикни: «Штык – молодец!» – сказал Кинсли.

Я крикнул. Правду говорить легко и приятно, а если она еще и заклинание!..

Кровный Убийца мгновенно нырнул в ножны на моем поясе. Я достал и обтер его от коричнево-черной крови.

– Если этим ножом убить кого-то, – сказал Кинсли, – он

напитается кровью жертвы и потом будет рубить в салат всех с такой кровью. Но только их! Так что не рань им кого не хотел, — он взглянул на меня строго, как папа на шkodливого мальчика, — да и сам не поранься!

— А пока я не убил врага — нож превращается в обычный тесак? Колбасу-то им можно порезать? Или потом он только этим и будет заниматься?

— Я не знаю, что такое колбаса, — сказал Кинсли, — но если бы ты чуть задумался, прежде чем спрашивать глупости, понял бы — нож все время окрашен чьей-то кровью! Может быть, когда его только выковали — был обычным, как ты сказал, тесаком. Но и как обычный нож можешь использовать — ты же брюки себе обрезал! Что ты...

— Сколько идти до пещер? — спросил я, торопясь перевести разговор, не дожидаясь от Кинсли нового справедливого эпитета в мой адрес.

— Дней пять еще. Если, конечно, будем идти, а не сидеть. — Он хмуро взглянул на мою перебинтованную ногу.

— Знаешь что? А не вредно было бы все-таки прикупить кое-что из оружия. Лук нормальный или топор какой-нибудь. Кровный Убийца, конечно, крут, но нужно еще что-нибудь. На тот случай, когда враг не будет в тесной близости.

— Спohватился, наконец, — проворчал Кинсли. — Будь ты в наручах и наколенниках, может, и укусов бы избежал. Придется сделать крюк к югу. Там у готов кузница имеется. Можно у них отовариться.

Двинулись. К вечеру были у цели – по дороге нас не пытались ни убить, ни съесть. Даже удивительно.

Когда мы дошли, здоровенный гот-кузнец уже печь остудил, фартук снял, уйти собирался. Но посетителям обрадовался. Оказалось, что с торца кузницы был небольшой магазинчик – прилавок, а за ним на стене оружие, обувь и даже одежда кое-какая.

По совету Кинсли я купил кольчугу из какого-то неведомого металла того же цвета, как вечернее небо над Утронией. Правда, почему-то она мне лишь до пупка доставала – эдакая кольчуга-топик. Широкий кожаный пояс купил – к нему крепилась пара футляров для разной мелочи, несколько ячеек, словно для патронов, а по бокам – ножны. Кинсли сказал, такой пояс очень удобен. И точно, по ячейкам я сразу дротики рассовал, в ножнах Кровному Убийце место нашлось. Надев пояс – широкий, как у какого-нибудь танцора испанского, – я понял, почему кольчуга короткая. Бренчал бы я иначе, как ящик рыболовный.

С оружием оказалось сложнее. Не умел я ни мечом размахивать, ни из лука стрелять, как недавно пришлось убедиться. Выстрел в гнездо, да и то со второй попытки, вряд ли можно в зачет поставить. Купил арбалет, дав себе слово, что потренируюсь. К нему болтов штук двадцать. Опять-таки ячейкигодились.

– Меч возьми, – сказал Кинсли.

– Да я в жизни его в руках не держал, – сказал я.

– А что держал? – спросил тот.

– Ничего.

– Как же вы без оружия обходитесь? – брезгливо поморщился Кине ли.

– Да вот так как-то... – пожал я плечами.

Помимо рукопашного боя было у нас на тренировках карате несколько занятий с нунчаками. Получалось у меня неплохо. Шишек, конечно, наставил себе, но пару движений выучил неплохо – тренер меня хвалил. Тут, конечно, нунчак не было, да и быть не могло, но палка, к которой цепью крепился железный шар с шипами, чем-то их напоминала. Вспомнил, что такая штука кистенем называется. Я примерился к нему, покрутил в руке – остался доволен.

– Ты, я смотрю, не впервой такую штуку держишь, – не без удивления заметил Кинсли.

– Нет, впервые, – не стал я врать. – Но мне нравится.

– Щит возьми. – Кинсли мне не поверил. – Как будешь удары-то отбивать, без меча в руке? Кистенем особо не отмахнешься.

Щит я выбрал – не щит, а игрушку. Узкий, раза в четыре шире запястья, но зато и сидел он на левом предплечье, как влитой. Легкий, крепкий, серебристого цвета, с литьем в виде воинов, кромсающих местных тварей, – песня. Наверное, в каждом мужике к доброму оружию сидит любовь неизбывная – как бы глубоко она в подсознание ни гнездилась. Как у бабы к платью красивому. Щит был легкий и удобен – носи, не

снимай. Кистень я заткнул во вторые ножны, предварительно обмотав цепь вокруг древка.

От шлема, наручей и наколенников отказывался, как Кинсли ни уговаривал. Не привычен я тяжести на себе таскать, да и в рукопашном бою это только мешало бы.

Кое-что еще по мелочи прикупили: два мотка крепкой бечевки, лепешек несколько и мяса вяленого. Взяли еще масла лампадного. Это я его лампадным прозвал, на самом-то деле шут его ведает, что за масло, но Кинсли сказал, для факелов и костра сгодится.

Глава 6

Болота

До болот дошли без приключений – сам удивился. То есть по небу порой пролетали какие-то ужасные крокодавы, издающие визг, совсем не похожий на крик журавлиный, но мы их внимание не занимали, по счастью. Заночевали мы не доходя до болот пары сотен шагов. Кинсли сказал, что лучше тут переночевать.

– А что, мы до следующей ночи сможем болота целиком пройти? – спросил я, глядя в бесперспективную, хлябкую даль.

– Нет, – грустно покачал головой он. – Дня три по ним шлепать.

– То есть все равно посреди болот ночевать придется? – Да, – был ответ. – Но чем меньше ночевок, тем лучше. Уставили Тайный Кров. Но он не помешал слышать стоны, доносящиеся с болот. И стоны те были вовсе не эротического свойства. Жуткие.

Когда я проснулся, трудно было понять, наступило ли утро. Небо в этом мире всегда непривычного цвета – но днем оно все-таки чуть светлее. Однако тут из-за болотных туманов это различие пропадало. И все-таки я пришел к выводу, что утро наступило. То ли с помощью шестого чувства, то ли

посредством третьего глаза, то ли почувствовав пятой точкой. Последняя в темное время суток была заметно напряжена.

Кинсли рядом не было, но через несколько минут он вернулся с охапкой хвороста. Мы заварили травяной чай и позавтракали тем, что было в котомке оруженосца.

Потом Кинсли взял пустой бурдюк и направился туда, где вода была почище – в дорогу набрать. Я от нечего делать решил свои сокровища изучить. Диадема пока меня мало занимала. Да и перстень с зеленым камнем, похожим на изумруд, тоже. Хотя, если честно, перстень я попробовал надеть, подкинуть, покрутить, наконец, даже лизнул, но ничего фантастического ни с ним, ни со мной не произошло. Разве что я почувствовал себя фантастическим болваном – но это не впервой.

Взяв арбалет, отошел к деревьям и решил потренироваться в стрельбе. Но болты оставляли такие глубокие раны в коре, что я сжалился над растениями и стал упражняться с дротиками.

Первый же дротик, воткнувшись, превратил дерево в памятник. Каменный памятник дереву. Тонкие черенки не выдержали окаменевших листьев, начался каменный листопад – я едва отбежать успел.

Я оглянулся по сторонам – будто боялся, что мои проказы кто-то увидеть мог, – схватил другой дротик и со всей силы метнул в каменное дерево. Надеялся, что дротик воткнется в

камень, и дерево снова станет деревянным. Почему-то я так решил. Но дротик отскочил и плюхнулся в траву. А первый дротик по-прежнему надежно торчал в камне. Выниманию он не подлежал.

«Минус один. И вынуть его способен только истинный король, – подумал я, вспоминая историю короля Артура. – Только там меч был, а не стрелка в перышках. Ну, так и я не король Артур – мне и дротика, видать, достаточно».

Кинсли все не шел, посоветоваться было не с кем, и я продолжил свои околонаучные изыскания. Подошел к другому дереву и метнул в него тот дротик, что от камня отскочил. Дротик воткнулся и... Ничего. Пока я голову не поднял и не увидел, что листья, как и ствол, стали деревянными. С порывом ветра они забренчали в кронах, как ансамбль ложкарей. Одеревеневшее дерево получилось.

Я метнул еще один дротик в следующее дерево. Оно стало золотым. Мать честная! Листья, в отличие от каменных, с золотых черенков не слетали – надежно держались. Дротик опять не вытаскивался, и, признаться, об этом я пожалел. Я отколупнул ножом кусочек золота. Не наживы ради, а памяти для. Конечно, я был бы рад и целое золотое дерево себе на память оставить, да вот как его выкопать? А тащить потом как?

Приступ стяжательства прошел вместе с приходом Кинсли. Глубоко вздохнув, карлик сказал «отпад», и дротики вылетели из деревьев, которые сразу стали обычными и встре-

тили возвращение к жизни радостным гоном — видимо, сидевшие в кронах птицы тоже меняли свою материальность. А теперь ожили.

Все вернулось на круги своя, но кусок золотой коры так золотым и остался. Как и каменные листья, что с дерева падали. Потому, наверное, что у листьев и коры связь с источником, то есть с деревом, прервалась.

— Что? Отпад? И это вся магия?!

— Это никакая не магия. Дротики, Кровный Убийца, шар финфор, Тайный Кров и еще несколько волшебных вещей будут слушаться кого угодно. Будь ты хоть... — он посмотрел на меня сердито, — пустым бурдюком. Лишь бы заклинание знал. Кстати, если захочешь, чтобы тот, в кого дротик воткнулся, так и остался каменным, золотым или деревянным, скажи «ясен пень». Но только до того, конечно, как скажешь «отпад».

— А что же ты сразу не сказал? — удивился я. На «пустой бурдюк» не обиделся. Во-первых, это правда — что тут возражать? Во-вторых, слишком велика была радость от возвращения золотоносного дротика. — Ты говорил, что не умеешь пользоваться...

— Потом хотел сказать, — проворчал Кинсли. — В нужный момент. Так и знал, что ты все что ни попадя начнешь в золото превращать.

— Коварный ты, — сказал я, бережно пряча дротики в «патронташ».

Бурдюк с водой – там литров десять, наверное – тащить вызвался я. Совесть-то надо иметь – Кинсли оруженосец, а не водовоз. В отличие от меня, гы. Хотя и Кинсли тоже не оружие таскал, а мой щит и кольчугу. Так что выходило, что он броненосец.

Что такое болота Грольш? Гладь, необъятная глазом, лишь местами над тиной вода проступала. Кое-где из тины торчали корявые, полумертвые деревья. Других неровностей было не видать – ни кочек болотных, ни островков. Легкий дымок стелился над гладью, словно парок над супом. А варить в этом супе, стало быть, нас будут. Воняло затхлостью и тиной болотной.

Место, конечно, жуткое, но не потому, что там легко было представить себе целую стаю собак Баскервильей.

А потому, что там будто бы сам воздух был пропитан серой тоской и безнадегой. Наверное, если бы человек рождался и еще в колыбели понимал, что вся его жизнь будет похожа на это ровненькое болото до горизонта, – сразу бы умирал. И не потому, что страшно, не потому, что непроходимо это болото, а потому, что тоска.

Под ногами был неустойчивый слой дерна. Над ним вода тонким слоем, а под ним, видимо, пропасть. Но дерн нас держивал, хотя и качался под ногами, как подгнившие доски пола в дряхлеющем доме. Мы шли, хлюпали и молчали. Говорить не хотелось. Да и отвлекаться было нельзя – пропасть под ногами.

Зато было время подумать. И какие мысли роились в моей голове, понятно было без слов. Жил себе человек, никого не трогал. А его взяли и сослали куда-то. Может, и не в ад, хотя, глядя на эти болота, я бы не был в этом уверен. Но уж точно не в рай. А за что, спрашивается? Что я сделал такого? Или не сделал, наоборот? Учился, да, плохонько, да, с пересдачами, но учился же. На подработку, правда, так и не устроился, но собирался же в самое ближайшее время начать честно зарабатывать свой хлеб диабетический. Так за что? А с другой стороны, кого я спрашиваю, интересно? Господа Бога? Так его промысел мне никогда не понять. Кого тогда? Себя самого? Так с тем же успехом я мог себя спрашивать, как только родился. За что, почему, в раю иль в аду? И также никто мне ответа не дал бы, даже если б я с рождения мог речь понимать.

– Слушай, Кинсли, – возник у меня толковый вопрос, – а часто тут такие, как я, непонятно откуда появляются?

– Нет, – не оборачиваясь, ответил Кинсли. Он тыкал палкой в тину, прежде чем сделать следующий шаг. – До тебя только Немо был двадцать весен назад. Еще раньше – Артур.

Значит, все-таки не ад. Вряд ли там такая вялая текучка кадров, что только раз в двадцать лет грешники объявляются. А может, это и вовсе не загробный мир? Или помимо ада с раем их множество? А почему нет? Вдруг их миллиард? Каждому почившему свой персональный посмертный мирок.

А с другой стороны, ну и пусть! Какая разница? Да, тут бывает страшно, бывает больно, а иногда страшно больно, но и на Земле не без этого! Зато тут приключений по самое не хочу, маги, вещи волшебные, девки сексапильные и – главное – диабет не мучает! Посмертный мир? Ну так что ж теперь? Всяко веселее, чем в хрущевке жить и «Стилистику и литературное редактирование» зубрить.

Вечером остановились на ночлег. Выбрали пятачок – не то чтобы совсем сухой, но если наши вещи покидать, а потом сверху возлечь, не промокнешь. Костер, конечно, не развести – не из чего, а до ближайших корявых деревьев далеко. Да и росли они, как назло, прямо посреди топи. Погрызли мы мяса вяленого, водой запили, разобрали Тайный Кров, затащили в него котомки и шмотки. Потом на них и улеглись.

– Уснуть надо вместе, – буркнул Кинсли. – Никаких чашовых.

Почему-то от этих слов мне стало страшно.

– Почему? – спросил я.

– Лучше этого не знать, – ответил Кинсли и лег спиной ко мне.

– А что, Тайный Кров нас не защитит?

– От этого нет защиты, – «успокоил» Кинсли. – Спи.

Я думал, что после такого напутствия полночи заснуть не смогу, но ошибся. Устал так, что уснул сразу, как обуятился на барахле.

Пробудился среди ночи. Темень вокруг непроглядная – лун за туманом не видно, а может, и не было их на небе. Вдруг надо мной что-то нависло. Какой-то призрак, свитый из сизой дымки. Впадины вместо глаз, провал вместо рта, контуры лохмотьев на костлявом остоле. Не живое – это понятно. Только вязь из дымов. Но когда эта парообразное нечто подсунуло длань под мой затылок, побуждая встать, я понял, что это не иллюзия. Хотел заорать от страха – не смог; хотел вырваться, оттолкнуть урода от себя – не было сил. Меня словно парализовало.

Дымка, из которой был создан призрак, и не думала таять, в отличие от моей веры в то, что все это сон.

Призрак, поднимая мою голову, заставил меня сесть. Потом я встал на колени, посеменял к спящему Кинсли и потянулся к ножам за Кровым Убийцей.

Когда я в детстве в шутку мутузился с папкой, он ловил мою руку и заставлял шлепать ей самого себя по мордахе. Больно не было, но смешно – до мокрых трусов. Сейчас, когда моим телом управляли так, будто меня и нет вовсе, – снова почти до мокрых трусов. Но не смешно.

Я навис над Кинсли с ножом в руках. Призрак не вошел внутрь моего тела, а лишь приобнял, будто я ростовая кукла в маппет-шоу. Вот шея спящего Кинсли – проснись, идиот! Вот острое ножа. Оно неумолимо приближалось к горлу моего оруженосца. Я сопротивлялся как мог, чтобы хотя бы замедлить движение ножа, не то что остановить. Ни-

когда – даже если сто раз отжимался от пола на кулаках – мне не приходилось так напрягать физические силы и волю. А в тот момент пришлось превзойти себя, чтобы не сделать непоправимого. Не убить спящего Кинсли! Вредного, ворчливого, иногда даже грубого, но верного и надежного. Моего оруженосца, спутника и доброго товарища.

Я не смог остановить рук. Я смог заорать. Вопль со дна моей утробы вырвался, как вырывается крик у спящего, когда он видит кошмар. И спящий просыпается. И Кинсли проснулся – всего за секунду до того, как Кровный Убийца напился бы его кровью.

– Я не сплю! – заорал Кинсли и быстро откатился в сторону, дав ножу вонзиться в землю. – Слышишь, мы не спим оба!

Только в этот миг я снова почувствовал, что мог управлять своим телом. Призрак исчез с шипением, будто плеснули воды на нагретый камень.

Я плюхнулся на землю. Лежал, пялился в туман, а нож зачем-то продолжал судорожно сжимать, выставив перед собой.

– Что это было? – наконец спросил я, стуча зубами от страха и холода.

– Призрак болот. Один из многих.

Кинсли подошел, выковырял из моих рук Кровного Убийцу.

Спустя еще пару минут я смог сесть.

– Призраки Грольш нападают только тогда, когда кто-то один не спит. Если все спят или наоборот – не тронут. Вот почему я сказал, что уснуть надо вместе.

– То есть ты знал о них и не предупредил? – медленно повернул я голову к Кинсли.

– Слышал. Сам не встречал. До сегодняшней ночи. Предупреди я тебя, ты бы точно не уснул. Я тебе сразу сказал, мало кто пройдет болота Грольш – что ж ты хочешь? – Он помолчал, глядя на меня вопросительно. – Есть будешь?

Я затряс головой – не до еды. Кинсли пожевал мяса и снова в путь засобирался.

– Сколько еще идти? – спросил я.

– Пару дней еще.

– А ночевок? – Я настороженно ждал ответа.

– Одна как минимум.

– Не пойду, – решительно заявил я. – Один раз повезло, и спасибо небу. А во второй раз может все иначе сложиться. Что, если я заорать не успею?

– И что же делать? До Пчелиной ведьмы мы иначе не доберемся.

– А можно так сделать, чтобы мы уснули и проснулись в один момент? И чтобы посреди ночи никто пописать не встал. Может, снотворное какое-нибудь из трав соорудишь? Или можно дротиками уколоться – тебя, например, камнем сделаем, меня золотом...

– Чегой-то тебя – золотом? В дерево превратим. Ближе

всего тебе.

– Ладно, пусть деревом. Так ночь переждем. Вот только кто нас расколдует?

В результате вот что надумали – ложимся плечом к плечу. Как только один из нас проснется – должен сразу же разбудить другого! Так авось призрак и не успеет.

День прошел без приключений. Шлепали по болоту – вокруг туман, под ногами слякоть. Торопились, чтобы в светлое время как можно дальше пройти и одной ночевкой в болотах обойтись. Однажды, правда, Кинсли оступился и юркнул в прогалину, но я успел его за руку схватить.

Ночью мы под бочок друг другу притулились, стали ждать сна. В этот раз я долго уснуть не мог. Но лежал, крепко глаза закрыв и даже дышать стараясь помедленнее. Для того чтобы тварь болотная никак меня от спящего отличить не смогла. Вчера-то я не только глаза открыл, но и башкой вращать начал, вот призрак и накинудся. Наконец я уснул.

Ночью проснулся. Вовремя вспомнил, что нельзя одному из сна выходить, стал со всей силы толкать Кинсли. Он никак не отреагировал. Тогда я сказал, все так же глаз не открывая: «Кинсли, проснись!». Тишина была мне ответом. Может, он ушел куда – а я просто бурдюк с водой локтем толкал? Но глаз я все не открывал.

– Кинсли, – закричал я уже в полный голос, – проснись, говорю!

Тишина. Тут я понял, что случилось что-то. Открыл гла-

за, к Кинсли поворачиваюсь – нет, лежит, вроде спит. Терять мне уже было нечего – я всем призракам виден давно, потому со всей силы начал Кинсли трясти и блаженным матом орать, чтоб проснулся. И разбудил наконец-то – карлик зашевелился и ко мне начал поворачиваться. Только что-то не так с ним было – вместо лица у Кинсли та самая дымка сизая с впадинами и пропастью рта.

– А! – заорал я и проснулся по-настоящему.

Трещал костерок. Кинсли, живой и здоровый, какие-то плоды на ветку нанизывал.

Все оказалось сном. А в Утронию уже утро пришло, и мой добрый оруженосец завтрак готовил. Здесь и хвороста, оказывается, полным-полно было – в этой части болот немало сухого валежника. Просто в темноте мы его не заметили. А далеко вдаль – еще одна радость – уже виднелись холмы. Идти еще далеко, но хотя бы был виден конец пути.

Дальше пошли веселее. До следующего привала смогли пройти изрядно. Отдохнули с полчаса, закусили и дальше тронулись.

* * *

Тварь, которая бросилась на нас, походила на гигантского зеленого паука с башкой не спереди, а над туловищем. Она торопилась к нам, протыкая болотную жижу, и даже проваливалась иногда одной или двумя лапами, похожими на ко-

пья, но сразу же выскакивала, поднимая шум и плеск.

Бежать было некуда. Из-за плеска воды я едва расслышал, что мне орал Кинсли. До чудища оставалось метра два, и оно уже занесло переднее копьё, чтобы наколоть меня и отправить, вкусного, в пасть, когда я наконец расслышал:

– Дротик!!!

Стараясь попасть в туловище, а не в твердую, как кость, лапу, я метнул первый попавшийся дротик. Со страху метнул так сильно, что дротик вошел, словно в масло, куда-то в район носа.

Только в этот момент я заметил, что вокруг паука – в верхних слоях болотной жижи – вились какие-то мерзкие черви, похожие на пиявок, но каждая в метр длиной. Видимо, тоже к трапезе спешили.

Паучина окаменел. Только теперь я смог его рассмотреть как следует. Огромная пасть, в бойницах глаз – черные зрачки на стеблях, как дула. Атаковал он, судя по всему, лапами, низ которых походил на охотничий нож – зазубрины и острие. Болотная тварь была ростом со слона. Эх, если б могли ваять творцы такие скульптуры – какая динамика, натуральность, естественность! Окаменевшая динамика, увлекая за собой натуральность, стала погружаться в болото. Оно и понятно – памятник болотной твари весил, наверное, пару тонн. Я понял, что меня тоже начинает затягивать в образующийся водоворот, поэтому стал энергично отступать.

– Ясен пень! Отпад! – крикнул Кинсли, и дротик выныр-

нул из болота. Кинсли передал его мне. – Что же ты возился так долго? – набросился на меня оруженосец. – Еще миг – и от тебя лохмотья бы остались.

Я вспомнил дымчатые лохмотья призрака болот и произнес:

– И стал бы новым призраком этих мест.

– Эх, – махнул рукой Кинсли, взвалил котомку на плечо и пошлепал дальше. Благо долгожданная суша была уже совсем близко.

Глава 7

Заброшенные пещеры

Болота упирались в отвесные скалы, вздымающиеся на десятиэтажную высоту. Именно они издали и казались милыми холмами и желанной сушей. Взобраться на них было невозможно, если ты не скалолаз со всем необходимым оборудованием. Оставался единственный путь – пройти через недра скал Заброшенными пещерами.

Между болотами и пещерами была узкая полоска сухой земли, и я распластался на ней, как на любимой кровати. Лежал на твердом, а все казалось, что подо мной пласты болотные ходят и куда ни ступи – провалишься. Это чувство еще часа три не проходило. Валежник сухой нашелся, вяленое мясо достали. Вскипятили чай. Лепешки от болотного воздуха плесень тронула, но мы ее поснимали, подогрели хлеб на огне и с наслаждением употребили.

– Ты спрашивал, – сказал Кинсли, – бывает ли, что здесь такие, как ты, объявляются. Я сказал, что до тебя это был Немо двадцать весен назад.

– А-а! Помню-помню. Тот, который всех в салат... – сказал я, пытаясь отодрать зубами кусок мяса от вяленого жгута.

– Это наша самая большая беда. Никто с ним не может справиться, он это знает и потому творит все, что вздумает-

ся. – Кинсли с досадой сплюнул и тоже вгрызся в солонину, будто это была нога Немо.

– У вас тут, как я понял, не только он творит то, что вздумается. Почему, например, Шайна убить меня хотела?

– Вон чего вспомнил! – усмехнулся Кинсли. – Это ж проще простого. Ты и повадками своими, и тряпьем похож на разбойника из хуальских лесов. Местных-то жителей Шайна в лицо знает.

– Понятно, – грустно сказал я. Почему-то до глубины души оскорбило, что красавица меня сначала за разбойника приняла.

«Эх, сводить бы тебя в ресторан хороший! А потом в какой-нибудь клуб, где музыка не попсовая и коктейли приличные. А еще лучше – на лекцию в институт! Тогда бы ты сразу поняла, что я не разбойник, а будущий журналист! Интеллигенция, можно сказать! Эх...» – подумал я.

В пещеру мы вошли утром следующего дня.

– Тут главное – ничему не верь. Чтобы с тобой ни случилось – все неправда, вымысел, понял? Иди вперед и ничего не бойся. То есть нет, – закашлялся Кинсли, – опасаться, конечно, надо.

– Здорово ты все объяснил, – съязвил я. – А как я отличаю, когда это иллюзия, а когда меня и в самом деле сожрать захотят?

– Понятия не имею, – пожал плечами Кинсли. – Но если не отличишь, значит, на той стороне мы не встретимся.

– А если ты не отличишь? – спросил я.

– Значит, тоже сгину. Я здесь впервые, так же как ты.

Первое, что случилось, как только я прошел внутри пещеры шагов двадцать, – Кинсли пропал. Я звал его, искал, даже нащупать пытался – тщетно. Причем вход в пещеру был еще виден. Вон она – дорожка света от входа до меня, а Кинсли нету. Как сквозь землю, что называется, провалился.

Я пошел обратно, думал, вдруг он снаружи ждет или случилось чего. Дошел до источника света, а это и не выход вовсе. Белым светом каменная стена лучилась.

«Вот и первая иллюзия, – подумал я. – Или уже вторая? Может, пропажа Кинсли тоже неправда?»

Мой недавний оптимизм впитывался в почву пещеры, как вода в песок.

«Это я только вошел, а уже не знаю, как выйти, – подумал я. – Что дальше-то будет? Ох, сгину здесь, как есть сгину».

Развернулся, пошел обратно, то есть вглубь пещеры, а там новый сюрприз – воды по колено. Что ж, другого пути все равно не было видно. Побрел дальше. Тут мне в голову мысль пришла: а вдруг в воде опять, как в болотах Грольш, пиявки гигантские плавают? И тотчас меня за ногу тварь какая-то цапнула. Я и сам не ожидал, что смогу на отвесной скале повиснуть. А повис-таки. Глянул вниз, не видать ничего. Кресало, что я себе в готской лавке прикупил, в футляре лежало на поясе, да только зажечь-то тут нечего было – ни ватки, ни листика сухого. А без огня, понятное дело, мало

что разглядеть можно было.

Вынул нож, медленно ногу в воду опустил – вроде не кусали больше пока.

«Видят, наверное, что у меня Кровный Убийца в руке, – вот и боятся» – так я себе объяснил тогда. Скоро посуше стало, вода пропала, я опять по твердой поверхности зашагал. Но по-прежнему вокруг была темнота непроглядная. Стал я в котомке копаться – искал, из чего бы факел соорудить. Глядь, а из котомки зеленоватое свечение исходит. Ба, да это же мой перстень с зеленым камнем! Так он, оказывается, светится в темноте? Что ж, бывают и приятные сюрпризы. Надел перстень на палец, хотя бы на полметра впереди видно стало.

Шел я долго. Часа полтора, наверное. Медленно, осторожно, но шел. Пока не увидел, что из тьмы на меня четыре глаза смотрят. То, что это глаза, а не точки какие-то светящиеся, я как-то сразу понял. Хотя и странно было, что четыре – и все в ряд. Будто одному кому-то принадлежат. Интересно, что перстень на пальце будто бы ярче светиться начал. Правда, даже этого света не хватало, чтобы выхватить из тьмы владельца глаз. Пришлось выхватить нож. Я его перед собою выставил – глаза вроде исчезли.

Радовался недолго. Через мгновение они снова возникли прямо передо мной и вместе с хозяином. Я ножом полоснул – не попал, кистенем махнул – тоже мимо.

И уж подумал было, что четырехглазый решил не связы-

ваться, но в этот момент над самым моим ухом стрекот раздался. Повернуться я не успел – гадина в шею впилась. А когда я, как подкошенный, рухнул на пол, тварь надо мной нависла. Пещерная бестия походила на огромную четырехглазую сороконожку или даже сколопендру. Теперь-то ее вполне рассмотреть можно было – перстень светил как карманный фонарик. Я попытался было снова кистенем махнуть, да едва смог руку поднять и уронил ее сразу. Стало быть, гадина яд в меня впрыснула, ждет теперь, когда сдохну. Вот и все. Что там Кинсли про вымыслы говорил? Надо себя убедить, что это неправда? Нет никакой сколопендры размером с автомобиль? И что яд по моим жилам не разливается? Да это мы сейчас, это мы запросто! Вот только с чего бы начать? Конструктивно мыслить мешала пещерная тварь, нависшая надо мной в ожидании. Чего ждала, и так понятно.

По счастью, левая моя рука кое-как еще двигалась. Нашупал дротик, завел руку за спину, затаился. Ждал, чтобы тварь еще приблизилась. Вряд ли будет несколько попыток. Решил притвориться – глаза прикрыл, дышать начал медленнее. Сквозь прищур увидел, что обман удался, – сколопендра ко мне наклонилась, вонючей слюной на лицо капая. Сейчас жрать начнет, не иначе.

Дротик я не метал – воткнул его, словно нож, прямо в один из четырех глаз. Сколопендра успела зашипеть оглушительно и шипастым хвостом ударить хотела. Золотой хвост замер от моей головы сантиметрах в десяти.

Я лежал рядом с золотой статуей сколопендры и понимал, что силы оставляют меня прямо пропорционально разливаю яда в крови.

«Яда нет, – вдруг прозвучало в моей голове. – Ты его выдумал».

«Опа, у меня, походу, раздвоение личности началось, – решил я. – Интересно девки пляшут. Вот, значит, как я буду развлекаться, пока не сдохну».

«Перестань верить, что это яд. Вообрази, что в твое тело лекарство попало. А онемение руки – просто временное побочное действие».

– Гы, легко сказать, – ответил я вслух тому неизвестному, кто в моей голове дебатировал, – если бы одна рука онемела, так уже все тело одеревенело. Даже губы задубели, как в кресле у стоматолога.

«Вот, правильно! – произнес бесцветным голосом некто в моей голове. – Представь, что это новокаин или лидокоин. Полчаса полежишь, он проходить начнет. Постучи-ка левой рукой по плечу!»

Хоть руку и нелегко было поднять, но все же я стукнул себя по предплечью. Ничего не почувствовал.

«Вот! Лидокоин! Полежи, отдохни, он и отпускать начнет!»

– Ладно, – сказал я. – Попробую. Только кто со мной говорит-то?

Ответа не последовало. Я сказал «ясен пень» и «отпад»,

внимательно наблюдая за тем, чтобы гигантская золотая брошь не оттаяла. Потом попытался расслабиться.

«А и вправду, – подумал, – действие-то на лидокоин похоже, так же немеет все и изнутри будто щекочет слегка. Вот забавно, если эта тварь и в самом деле лидокоин впрыскивает. Но логика в этом есть: жертва обездвижена, при этом не орет, когда ее есть начинают. А мяско свежим остается, не то что у мертвечины».

Спустя минут двадцать онемение начало отступать.

– Эй! – крикнул я в пространство. – Ты прав оказался – тот, кто внутри моей головы говорил. Кто ты? Давай познакомимся.

Ответа не пришло. Странное дело. Но и на том спасибо. Еще четверть часа спустя я смог встать, на золотую сколопендру опираясь, и побрел дальше по тоннелю.

Как только выход найти отсюда? Пещера то и дело разветвлялась и какой тоннель вел наружу – неизвестно. Вспомнилась история Тома Сойера и Бекки Тэтчер – когда они по пещере бродили, стараясь с индейцем Джо не встретиться.

Вдали чей-то голос слышался – будто человек пытался филином прокричать, но у него не очень-то получилось. Зато меня напугать – вполне. Я в стену вжался, кистень приготовил.

Как уже говорилось, я не робкого десятка, могу и за себя постоять, и за того парня. Но больше всего пугала неизвестность, – кто там филином гукает? Может, человек, а мо-

жет, и нет. Может, один, а может, десятеро. Интересно, что перстень – сразу после драки со сколопендрой – вновь начал слабее светить. А как только гуканье в коридоре раздалось, опять вроде поярче стал. Но все равно его света было недостаточно – дальше трех шагов не видать ни зги. Хотя, наоборот, только згу и видать. Сплошную причем.

Шел я еще долго – только «филин» порой вмешивался в звук моих шагов и дыхания. А еще время от времени капало с потолка.

Дошел до тройной развилки. Конец бечевки камнем придавил, пошел сначала в один проход. Шагов на двадцать бечевки хватило. Мало. Ясности так и не настало, что там впереди.

Хотел назад идти, глядь – я, оказывается, возле того камня, которым один конец бечевки прижал. А в руках другой конец бечевки, только середина ее где-то в пройденной тьме скрывалась. Странное дело. Неужели я кругаля дал?

Пошел туда, где середина осталась. Пришел совсем в новое место, зато странным образом бечевка сама обратно в клубок смоталась.

Что там говорил голос в моей голове? О чем Кинсли предупреждал? Все вымысел? Иллюзии? Здорово. Наше поколение все в иллюзиях живет: картинки на экране вместо жизни, картинки на мониторе вместо приключений. Женщины резиновые, пища синтетическая. «Крабовые палочки» из минтая, бульон из кубиков, мясо из сои. Так и живем. Но

там, среди земных иллюзий, мы хотя бы ориентируемся, знаем, когда экран погасить, когда проблеваться от нитратов. А здесь? Вон она, – я по стене постучал, – вполне себе твердая, на иллюзию не похожая. Значит, вряд ли я сейчас по рельсам выйду из лунапарковой комнаты страха, скажу билетерше «до свидания» и отправлюсь на следующий аттракцион – например, в тир с бумажными цветками.

Опять разухался филин. Не прошло и минуты, как я с этим «филином» встретился. Серой птицей лесной оказался здоровенный парень. Теперь мой перстень опять полыхал, как лампа на тридцать ватт, – так что я вполне смог рассмотреть незнакомца. Кожа смуглая, волосы черные, всклоченные. Он был, наверное, на метр выше меня, а его бицепс был размером с мою голову. Я почувствовал себя хрупким подростком рядом с чемпионом-культуристом. На шее у здоровяка были какие-то побрякушки – не то зубы звериные, не то ракушки. На поясе – юбка из крупных листьев. Папуас, что ли?

Парень бросился на меня, широко расставив руки. А перед этим еще раз зачем-то филином ухнул. Может, у местных папуасов такая речь?

Я махнул кистенем – здоровяк увернулся, сделал шаг в сторону, оказался сзади меня, обхватил рукой за горло и стал душить. Как я не успел среагировать? Как я мог допустить такой примитивный захват? Невероятно. Молчи, грусть, молчи. Теперь надо было вырваться. Попытался, но

сразу понял, что глупее идеи нет. Мышцы его руки закрывали мне вид вокруг и виды на будущее. Я потянулся к дротикам, но до них было не достать – мою левую руку папуас крепко держал, а правая была прижата к телу могучим локтем.

«Даже не могу дотянуться, чтобы укусить», – с досадой подумал я, наблюдая, как перед моими глазами поплыли круги.

«Нет здесь никого, кроме тебя», – снова раздался голос в голове. Да еще уверенный такой.

«Как же, нет, – прошептал я, – а душу я сейчас сам себя, что ли?»

«Не душит тебя никто. Выдумал ты. Помнишь, про индейца Джо из „Приключений Тома Сойера“ вспоминал? Вот этот индеец и явился тебе – причем таким, каким ты его в детстве представлял. А ты индейцев в ту пору, видать, сильно с папуасами путал».

Хватка слегка ослабла. Я глаза опустил, чтобы сквозь пятна и разводы меркнувшего сознания руку индейца разглядеть – ведь только что свет мне застила! А нет ее, руки-то. Нет, и все тут.

«Чем же он меня душит тогда?» – удивился я.

Тут хватка еще больше ослабла. Я стал на землю сползать, а потом – классика – сгибание в три погибели, долгое откашливание, все дела... Когда отдышался, оглядеться смог – нет никого.

«А ведь и правда, – подумал я, – моя фантазия его и привела. Вот почему я и видел его таким огромным – смотрел-то на него глазами мальчишки, каким был, когда читал „Тома Сойера“. А было мне лет восемь, наверное».

Самое главное, решил я, больше ничего не фантазировать. Лучше выдумать, что сейчас пещера внезапно кончится, и я выйду благополучно с другой ее стороны. И я уже собрался заняться этим аутотренингом, когда взгляд на перстень упал.

– Это ты, что ли? – сказал я вслух. – Это же ты мне подсказки даешь?! Что молчишь? Ты же на пальце был оба раза, когда я стал подсказки получать. И со сколопендрой насчет лидокоина подсказал, и с папуасом этим. Правильно? Что не отвечаешь? Давай, – я себя перстнем по голове постучал, – говори со мной мысленно! Надо самому выбираться отсюда и еще успеть Кинсли спасти.

Тишина.

Тут я вспомнил и о том, что камень в перстне начинал полыхать ярче, когда приближалась опасность. Даже когда она выдуманной была. А когда угрозы миновали, он снова едва светился.

– Ага, значит, ты и говоришь, и светишься ярче во время опасности, так? – уставился я на перстень. – А когда все в порядке, ты просто обычный камень в оправе? Я же помню, когда увидел тебя впервые, ты вообще не светился. А в пещере, еще до появления всех этих гадов, уже начал свет рассеивать. Предчувствуя, так сказать. И когда меня гадина

четырёхглазая цапнула или культурист в банановых листьях придушить хотел – тогда ты и начинал работать. Зато когда все мирно да хорошо – толк от тебя сугубо декоративный, так?

Камень, естественно, не отвечал, продолжая вяло светиться.

– Постой-ка! – прозрел я. – Надо еще, чтобы ты на пальце был в момент опасности! Потому-то ты и не помог мне в бо-лотных баталиях, ибо в котомке лежал! Ну что ты молчишь, голос в камне?! Ответь, я все правильно понял? А что будет, если я сам себе опасность создам?

Я стукнул перстнем по ногам. Чувствительно, кстати. Ноль реакции. Видимо, недостаточно. Или перстень просто не считает нужным разговаривать с идиотом. Что он мне скажет? «Перестань бить себя по ноге»?

Ладно, с перстнем потом разберемся. Вымыслы, иллюзии... Если и вправду это работает только на силе фантазии, попробую-ка я...

– Вон за тем поворотом окажется выход из Заброшенных пещер! – прокричал я, то ли себя убедить пытаюсь, то ли стены пещеры. – Точно! Вон, даже свет уже виден из-за поворота!

Странное дело, но мне и в самом деле показалось, что угол пещеры дневным светом окрасился.

– Я уже даже шум слышу, то ли бор шумит, то ли море плещется! Там выход! Вперед! – сказал я себе и, хромая, –

мышца ноги болела после удара перстнем, – побрел к цели. И так я в тот момент верил, что до выхода рукой подать, что очень бы удивился, если бы его там не оказалось.

Выход был. Море и вправду шумело. Но оно оказалось справа и внизу, так как выход из пещеры был высоко над землей. Но даже здесь, на небольшом скальном плато, лежал песок – крупнозернистый и белый. Видимо, когда-то давно здесь тоже плескалось море.

Небо было ясное – благодать. Чувствуя себя героем и везунчиком, я расселся на песке, достал что-то из котомки и стал жевать. Грешен – о Кинсли я только через несколько минут вспомнил.

Возвращаться за ним в пещеры не хотелось сильнее, чем ребенку садиться в кресло стоматолога. Поэтому этот вариант я сначала просто отбросил. Потом мне и вовсе нечестивая мысль пришла. «В конце концов, – подумал я, – пройти Зброшенныя пещеры и потерять только пятьдесят процентов отряда – урон вполне допустимый».

Мне сразу же стало стыдно, но это мало повлияло на желание лезть в пекло иллюзий. Да и главное, как я разыщу там Кинсли, даже если он еще жив? Кто знает, что он себе там нафантазировать успел?

С другой стороны, что-то делать надо. Даже из меркантильных соображений – без него я и ведьму Пчелиную не отыщу, и сам пропаду. Да, и прикипел я уже к этому ворчуну. Ох!

Как я ни тряс руку с перстнем, как ни тер его, ни увещевал – он про местонахождение Кинсли рассказывать отказывался. Я даже диадему на голову напялил, думал, вдруг с антенной лучше сигнал ловится. Тоже не сработало.

Что же делать? Свеситься вниз головой со скалы, чтобы проклятый перстень сообразил наконец, что мне грозит опасность, и начал помогать? Плохой вариант: мало свешусь – не поверит, сильно свешусь – упаду. И тогда в моей голове наверняка нужные ответы наконец-то прозвучат, вот только вряд ли я ими воспользоваться успею.

Может, камень к шее привязать и в море кинуться? А с собой нож взять. Когда совсем задохаться начну, перережу веревочку и всплыву. А что, это вариант. Жаль только, до моря шагать отсюда километра три – не меньше. И это уже после того, как спущусь к побережью. А потом назад столько же – в гору. Вряд ли у меня есть такой запас времени. На себе убедился: в пещерах скучать не дают.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.